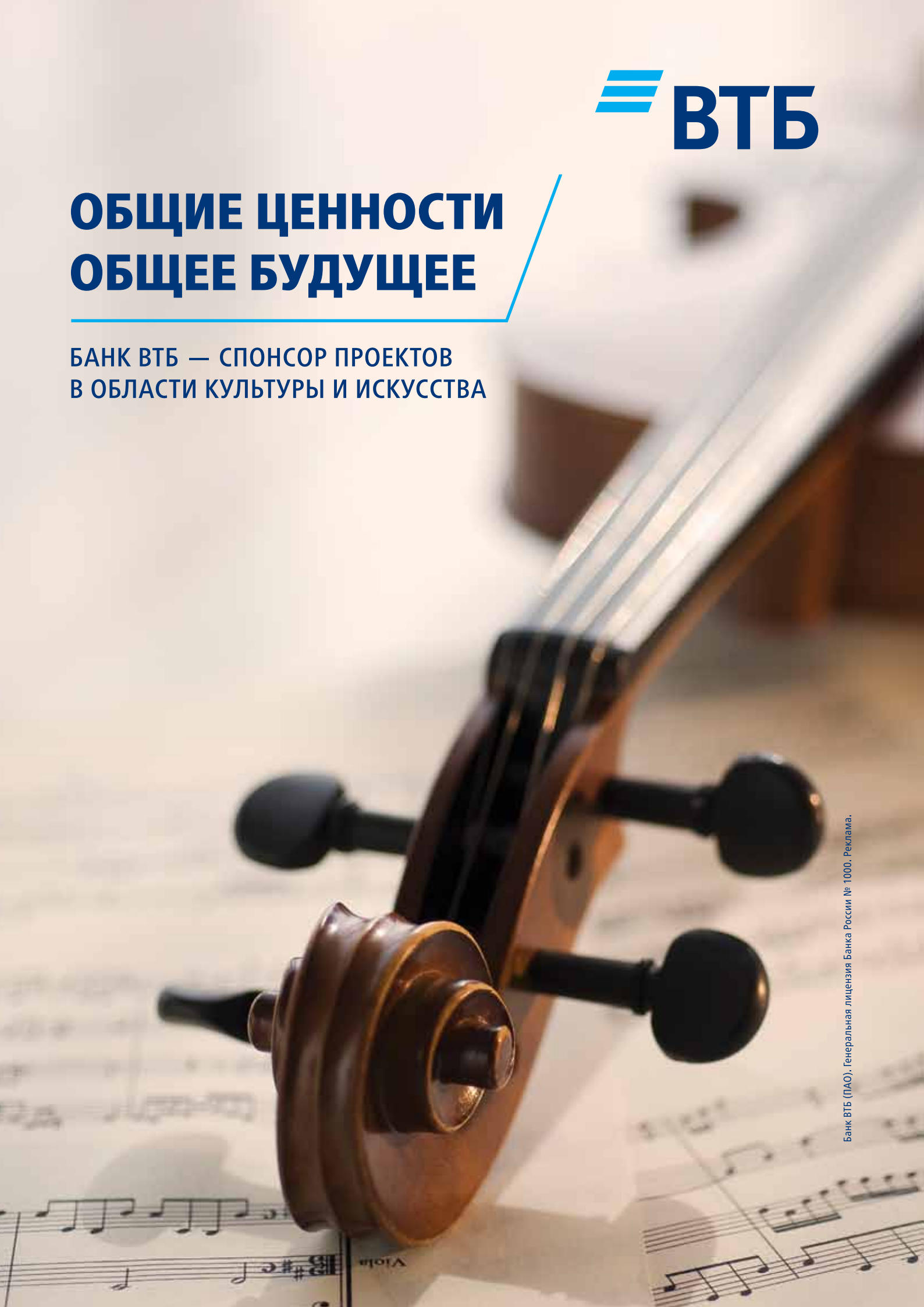
ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Русский клуб

№3
Март 2019

Стр. 8

МИР СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА



ВТБ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ
ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Банк ВТБ (ПАО). Генеральная лицензия Банка России № 1000. Реклама.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА «РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

ФОНД РУССКИЙ МИР

CARTU

Русский клуб

№3 (161)
Март 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ

6 САМИЗДАТ – НАШИ БЕССОННЫЕ НОЧИ. АННА АХМАТОВА
ЛАНА ГОГОБЕРИДЗЕ

8 МИР СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА
ИРИНА ГОГОБЕРИДЗЕ

12 ВОЗДУШНЫЕ ОБЛАКА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ
ИРИНА КАНДЕЛАКИ

16 ПРАЗДНИК СИЛЫ ВОЛИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ

16 РУССКОЙ ШКОЛЕ – СТАТУС ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРЫ

20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

27 УСПЕШНОЕ ПОРАЖЕНИЕ
РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

34 СНЫ НАЯВУ, ИЛИ ЧИСТАЯ ПРАВДА ЖАНРИ ЛОЛАШВИЛИ
НИНА ШАДУРИ

39 ГОЛОС – ИНСТРУМЕНТ ДУШИ
МАРИЯ КИРАКОСОВА

42 ОТКРЫВАЯ ГРУЗИЮ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА

46 Я ПОСАЖУ МАНДАРИНЫ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

48 ОТ КИРОЧНОЙ – ПО ПЛЕХАНОВСКОМУ
ВЛАДИМИР ЖУРЬЯРИ

52 СЕРЬГИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

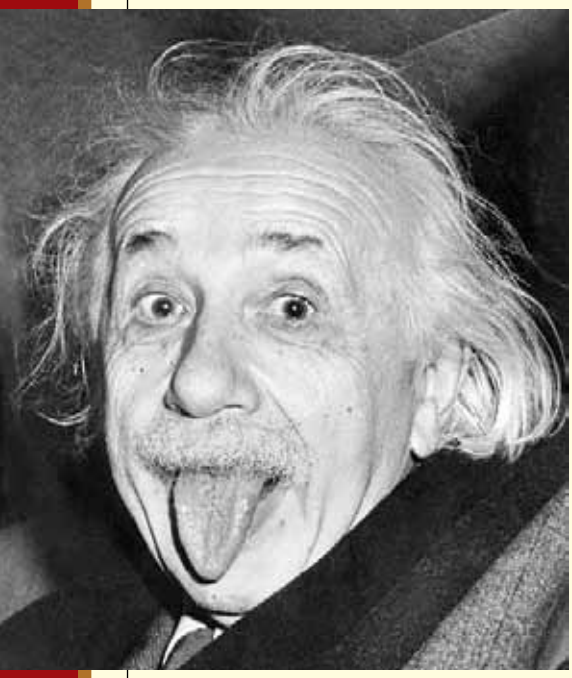
54 КИНОТЕАТР В КИКЕТИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

На обложке – **СУВЕНИРНАЯ ЛАВКА В АБАНОТУБАНИ**
Фото: Александра Сватикова

от Я до

Роб АВАДЯЕВ

МЕНЯ НИКТО НЕ ЗНАЕТ



Есть такой немного грустный исторический анекдот первой половины прошлого века: стоят на палубе уплывающего в Америку корабля двое эмигрантов-евреев, убегающих из Европы от надвигающегося фашизма, муж и жена. Жена раздраженно пилит супруга за то, что на нем старое пальто. Что подумают люди? Неприлично. А он ей и отвечает: «Какая разница. Меня тут никто не знает». Спустя много лет они возвращались в Европу на какой-то важный международный конгресс. И опять на мужчине было все то же старое пальто. И вновь за него ругала жена, мол, что подумают люди, несолидно. На что он ответил: «Да какая разница, меня и так все знают». Его действительно знают все – это один из величайших физиков в истории человечества, Нобелевский лауреат и создатель теории относительности Альберт Эйнштейн. В нынешнем марте исполняется 140 лет со дня его рождения. Его гениальная теория была настолько революционной, что Нобелевскую премию ему дали не за нее, а за открытие законов фотоэффекта. А его ворчливую жену часто упоминают в числе самых сварливых жен в истории вместе с женой Сократа Ксантиппой, женой президента Линкольна Мэри Тодд и женой великого писателя Льва Толстого Софьей Андреевной. Знаменитая фотография мирового гения, показывающего язык, появилась случайно. Ретивый папарацци просунул объектив фотоаппарата в окно машины, где сидел Эйнштейн и попросил сделать «умное лицо». Что получилось – увидел весь мир.

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ – ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Жил в одном небольшом американском городке гробовщик. Его похоронное агентство преуспевало многие годы, пока жена его главного конкурента не устроилась работать на единственную в городе телефонную станцию. И когда поступала информация об очередном умершем, эта дама предлагала услуги своего мужа. Наш гробовщик стал терпеть столь большие убытки, что почти обанкротился. Он рассердился и, будучи человеком с задатками хорошего инженера, засел за чертежи и изобрел первую в мире автоматическую телефонную станцию декадно-шагового типа. АТС подобного типа исправно работали в городских телефонных сетях более ста лет, пока их не сменили современные электронные. Изобретателя звали Элмон Браун Строуджер. Он внедрил свое устройство в родном городе и всех барышень-телефонисток, включая агентессу своего конкурента, уволили за ненадобностью. Патент на свое изобретение он получил 10 марта 1889 года, 130 лет назад. К ремеслу гробовщика Строунджер больше не вернулся, предпочтя карьеру производителя телефонной техники. И в качестве корпусов для своих устройств он, говорят, использовал не пригодившиеся гробы. А что? Не пропадать же добру – добротно, солидно и из качественного материала.

МАЛЕНЬКИЕ ПЕСНИ – ОТ ВЕЛИКИХ БЕД

Когда-то давно великий немецкий поэт Гейне так ответил на упрек, что у простых людей популярнее серьезных стихов веселые стишки-частушки. В культуре польского народа есть целый жанр веселых насмешливых стишков-эпиграмм в две-четыре строчки. Они называются фрашки. К фрашкам обращались многие национальные поэты, но подлинным королем этого жанра насмешливой поэзии был блестящий Станислав Ежи Лец. О нем приятель-острослов как-то сказал: «Сотни фрашек-задирашек накатал ехидный Сташек». Да, этот поэт был настоящим задирой и весельчаком, хотя на его долю выпало немало опасных испытаний. Этот уроженец Львова был сыном еврейского аристократа с титулом барона Австрийской империи Бенона де Туш-Летц. Станислав учился во Львовском университете и там же занялся своей литературной карьерой, выпуская с друзьями сатирический журнал, где печатал свои юмористические стихи. Тогда же он взял себе псевдоним Лец – измененную часть своей фамилии, что на идиш означает «клоун» или «пересмешник». Еще в юности он опубликовал несколько сборников стихов, где впервые появились быстро ставшие популярными стишки-фрашки. В середине тридцатых Сташек перебрался в Варшаву, где много печатался в газетах и журналах и даже создал литературное кабаре «Театр пересмешников». А потом нача-

лась война, арест, концлагерь, из которого он совершил побег и добрался до партизан. Он был на нелегальном положении в Варшаве и публиковался в подпольных журналах и газетах. Сражался в Первом батальоне Армии Людовой, а потом вступил в ряды Войска Польского в чине майора. После войны Станислав был награжден Кавалерским крестом ордена «Polonia Restituta» (Возрождения Польши) и направлен на дипломатическую работу в Вену – австрийский барон какникак! Тогда же он стал известен как переводчик Гете, Гейне, Брехта, а также русских, белорусских и украинских поэтов и писателей, благо все эти языки он знал в совершенстве. Вернулся в Варшаву Лец в недолгий период польской оттепели. Тогда же были опубликованы его главные книги: «Жизнь это мелочь», «Непричесанные мысли», «Иерусалимская рукопись», сборник «Тысяча и одна фрашка», «Насмехаюсь и спрашиваю дорогу». А в последние годы его жизни появились «Новые непричесанные мысли» и два цикла «Ксения» и «Маленькие мифы». Он умер совсем не старым, и это вызвало неподдельную скорбь – умер прекрасный, мудрый и очень остроумный поэт, автор смешных фрашек и бесчисленных ехидных афоризмов. Вот несколько первых попавшихся «под руку»:

Даже из мечты можно сварить варенье, если добавить фруктов и сахару.

Дорожные знаки могут превратить шоссе в лабиринт.

Жизнь – вредная штука. От нее все умирают.

Жаль, что в рай надо ехать на катафалке!

Совершил преступление: убил человека. В себе.

ВНЕ СИЛЫ ПРИТЯЖЕНИЯ

Величайший танцовщик всех времен и народов, как его называли знатоки-балетоманы, Вацлав Фомич Нижинский был урожденным киевлянином. Он родился в семье балетных танцоров польского происхождения, и сомнений в выборе профессии у него не было. Девятилетним мальчиком он поступил в столичное Петербургское театральное училище. С самых первых классов юных учеников задействовали в балетных спектаклях текущего репертуара. И звезды танцевальной труппы годами наблюдали за успехами малышей, безошибочно распознавая будущих партнеров. Вацлав поступил на сцену в восемнадцать, сразу по окончании училища. Его партнершами стали настоящие примадонны – Кшесинская, Карсавина, Анна Павлова. Он был блестящий танцовщик, его пируэты были безупречно выверены, а прыжок настолько высок, что, казалось, на него не действует земное притяжение. Искушенная столичная публика Нижинского приняла, на него «ходили». Но случилось непоправимое! Молодого танцора, надежду русского балета сманил, соблазнил, похитил лукавый предприимчивый импресарио Сергей Дягилев для своих «Русских театральных сезонов» в Париже. Его успех был оглушительным. Он перетанцевал в Париже весь классический репертуар, а также прекрасные партии в балетах «Петрушка», «Шехерезада», «Нарцисс», «Карнавал», «Дафнис и Хлоя». А потом Нижинский с подачи Дягилева начал заниматься хореографией. Его первые работы «Послеполуденный отдых фавна» К. Дебюсси и модернистский ритмопластический балет на музыку И. Стравинского «Весна священная» вызвали недоумение и даже скандализировали парижскую публику. Но гениальность основного исполнителя балетных партий и его уникальный артистизм заставили критиков смириться и воздать ему должное. Все понимали, что на сцене царит и буквально парит гений. Великая Сара Бернар сказала о нем: «Мне страшно, я вижу величайшего актера в мире». Но его сценический век оказался недолог – всего десять лет, включая неуспешную антрепризу, когда он порвал с Дягилевым, и два года, когда был интернирован во время войны. В последний раз Нижинский вышел на сцену в балете «Видение розы» в сентябре 1917 года. Как жаль! Дело в том, что друзья замечали еще с юности у Вацлава приступы оцепенения, замкнутости и робости, невзирая на невероятную харизму и магнетизм на сцене. Это была врожденная душевная болезнь. Был поставлен диагноз шизофрения, и всю оставшуюся жизнь Нижинский провел в разных психиатрических клиниках. Он умер в 1950 году в Лондоне и был похоронен на парижском кладбище Монмартр. На надгробном памятнике, который установили на средства другого выдающегося танцовщика Сержа Лифаря, сидит грустный Петрушка с лицом Нижинского – одна из важнейших его ролей.

Лана Гогоберидзе

САМИЗДАТ – НАШИ БЕССОННЫЕ НОЧИ. АННА АХМАТОВА

Лана ГОГОБЕРИДЗЕ

Перевод с грузинского
Нины ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

К 90-летию Ланы Гогоберидзе, кинорежиссера, сценариста, переводчика, исследователя литературы, педагога, Народной артистки Грузии, лауреата Государственной премии СССР, кавалера ордена Дружбы, в Тбилиси издан ее четырехтомник. В I том вошли воспоминания, во II – «Парижские записки» и монография об Уолте Уитмене, в III – переводы из американской, индийской, французской, русской поэзии, в IV – выступления, интервью, статьи и фотографии из личного архива. Художник издания – Зураб Нижарадзе, Народный художник Грузии, почетный член Российской академии художеств. Руководитель проекта – Фати Давитулиани. Проект осуществлен при поддержке Министерства просвещения, науки, культуры и спорта Грузии, Мэрии г. Тбилиси, Культурной Палаты Грузии, AIWA Art International Women Association, Национального Центра кинематографии Грузии.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из воспоминаний Ланы Гогоберидзе.

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Анна Ахматова

Самиздат… Целая эпоха в моей жизни и жизни моих близких. Это явление, с одной стороны, отразило внешние изменения, как будто происходившие в тоталитарной власти, и, при этом по-прежнему неослабевающее тяготение власти к насилию. С другой стороны, самиздат воплощал неудержимую устремленность людей к свободе, свободному слову.

Некоторые избранные в атмосфере вечного страха, в ожидании репрессий и наказаний, писали обращения, эссе, правдивую историю тех лет, повести, романы, стихи…

Другие, тоже в вечном страхе репрессий, печатали пять копий, десять копий этих произведений. Печатали и распространяли для того, чтобы и другие напечатали пять копий, десять копий – и распространили среди тех, кто также жаждал справедливости.

КГБ одинаково преследовал и тех, кто писал, и тех, кто хранил или распространял. Обыскивали дачу, где хранились произведения Солженицына, арестовывали Синявского и Даниэля, отправляли в психушку Жореса Медведева, поселяли Сахарова в Горьком… Но душа была жива! Неукротимая, гордая, устремленная к свободе душа!

Ростропович на своей даче прятал Солженицына, а материальное воплощение этой души – произведения – расходилось все шире, и мы читали взахлеб, самозабвенно, читали день и ночь, проводили за чтением ночи, не смыкая глаз, потому что обычно эти страницы – пожелтевшие, растрепанные, прошедшие через множество рук – мы выпрашивали почитать всего на один или два дня.

Мы читали «Реквием» Ахматовой – первое правдивое слово о терроре 30-х годов, романы и рассказы Солженицына, Шаламова и Гроссмана, «Доктора Живаго» Пастернака… Мы впер-

вые взглянули в глаза правде о нашей жизни. Мы ее вроде бы и знали, но все равно – как обухом по голове. Это был возраст открытий и счастья. Счастья, которое ни с чем не сравнится, потому что оно было связано с возвышением и очищением души.

В те годы в доме моей тети (Елена Гогоберидзе, переводчик – пер.) я несколько раз встретила Анну Ахматову.

Когда я увидела ее впервые, то была поражена – видимо, внутренне я ожидала увидеть живое воплощение портретов Модильяни и Анненкова. В ушах звучали строки Марины Цветаевой:

Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.

Наверное, подсознательно я хотела увидеть именно такую женщину – нарисованную непрерывной ломаной линией. Но Ахматова в начале 60-х была совсем иной – тяжеловесной, полной, черты ее лица утеряли свою четкость. Потом, в этом новом облике я увидела притягательность и, в каком-то смысле, превосходство. Притягательным ее лицо сделали трагедии, страдания и бесконечная боль, оставившие на нем свой след.

Она появлялась – медленно, тяжелым шагом, непременно с каким-то сопровождающим, поскольку не могла ходить по улице одна. Потом сопровождающий удалялся, а обратно ее провожал кто-то из нас. Тетя усаживала Ахматову в кресло – обыкновенное, но предназначенное специально для нее. Какое-то время Ахматова сидела неподвижно, откинувшись на спинку, глубоко дышала, а ее проницательные живые глаза жили своей жизнью, наблюдая за всем и вся. Известная твердостью характера, моя тетя вела себя с ней необыкновенно почтительно.

Ахматова часто сидела молча – она любила слушать других.

В тот день она говорила о Важа Пшавела – она прочла книгу моей тети и дяди Луна (Евгений Лундберг, критик, литературовед, писатель – пер.), посвященную Важа, и выглядела очень заинтересованной. Она была в восторге от пастернаковского перевода «Змееeда».

А потом, по просьбе тети, я прочла «Синий цвет» в переводе Пастернака.

Я увидела, как у Ахматовой заблестели глаза – прежде она не читала этого стихотворения. Я почти слово в слово запомнила то, что она сказала: «Хотя я сама переводила много, меня всегда мучило подозрение, что поэзию перевести невозможно. Пастернак доказал, что я ошибалась: то, что я сейчас услышала, не является переводом, это подлинная поэзия. И в то же время она сближает меня с незнакомым грузинским миром, побуждает к прекрасным мыслям о Грузии и о Бараташвили».

Поздно вечером дядя Лун и я провожали Анну Ахматову. Она в то время жила у друзей, по-моему, у Ардовых – «в гостях», как она сама говорила (поразительно, но величайшая поэтесса XX века почти всю свою жизнь провела «в гостях»!).

Дорога не была дальней, и мы отправились пешком. Подошли к переходу. Ахматова остановилась, некоторое время стояла оцепенев и пристально смотрела на проезжающие машины. Зажегся зеленый свет светофора, но мы его пропустили – Ахматова продолжала стоять, словно прикованная к месту. Когда снова загорелся зеленый, она взяла нас за руки и с обреченным лицом, будто собираясь кинуться в пропасть, скорым и твердым шагом пересекла улицу. Оказавшись в безопасности, перевела дух и вдруг смущенно нам улыбнулась.

К.С. Петров-Водкин. П-т Анны Ахматовой

А потом мы шли в сумерках по арбатским улочкам, весело болтая, пока перед нами вновь не возникло испытание в виде перехода со светофором. И здесь повторилась та же мизансцена. Мы снова благополучно избежали опасности, и Ахматова снова превратилась в улыбчивого собеседника. Она говорила о простых, бытовых вещах, о том, что вскоре должна вернуться в Ленинград, а там ее жизнь, по сравнению с Москвой, была еще более неустроенной. Удивительно, но в Москве у нее сохранилось больше друзей, чем в родном городе.

Я шла молча. У меня кружилась голова от мысли, что рядом со мной – Анна Ахматова. И я повторяла про себя строчки из «Реквиема». Это было то время, когда «Реквием» передавали из рук в руки с помощью Самиздата.

Порой я и сегодня жалею, что не осмелилась сказать Ахматовой, что знаю ее «Реквием» наизусть, не сказала, как много она значила для меня и моих товарищей – ведь ей удалось перенести в сублимированное пространство то страдание, которое выпало на нашу долю в самом раннем детстве.

Церемония награждения

МИР СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА

Ирина ГОГОБЕРИДЗЕ

Церемония вручения Европейской театральной премии (Premio Europa per il Teatro), учрежденной в 1986 году, до 2002 года проводилась в Италии, в городе Таормина. В 2004 году десятая по счету церемония была проведена в Турине, а затем она стала кочевать по разным европейским городам. Две последующие церемонии были проведены в Салониках, затем во Вроцлаве, Санкт-Петербурге, Крайове, а в 2017 году – в Риме. Семь лет спустя, в ноябре 2018 года, она вновь оказалась в Санкт-Петербурге, в городе, который был и остается волшебным и независимым островком европейской культуры и театрального искусства в когда-то гигантском советском пространстве. Приглашение, как и раньше, поступило в комитет Премии от Театра-фестиваля «Балтийский дом». Надо отметить, что генеральный директор Сергей Шуб и рабочая группа «Балтийского дома» приложили все усилия, чтобы Международный оргкомитет, участники и гости, а их около четырехсот человек, чувствовали себя комфортно. Премия вручается в двух номинациях: Европейская театральная премия и Европейская премия «Театральная реальность». Крупнейшее театральное событие Европы проходило в рамках VII Санкт-Петербургского международного культурного форума.

Естественно, что страны, принимавшие этот масштабный и престижный форум, стремились во всей красе представить свой собственный театр. Таким образом, ставшая кочевой Премия все чаще стала принимать акценты страны-хозяина. Хотя, надо сказать, что к русскому театру оргкомитет Премии изначально был особо и совершенно справедливо благосклонен. В течение многих лет в Большом жюри заседала Татьяна Проскурникова, известный театровед, переводчик и активный участник всех престижных театральных форумов Европы. В 1990 году обладателем III Европейской премии «Театральная реальность» стал Анатолий Васильев; в 2000 году VIII Европейскую театральную премию получил режиссер Лев Додин; в 2011 году в Санкт-Петербурге Специальный приз был вручен Юрию Любимову, а «Театральная реальность» – режиссеру

Сцена из спектакля «Маскарад»

Андрею Могучему, ныне худруку БДТ им. Г. Товстоногова; в 2017 году XIV премия была присуждена в Риме Кириллу Серебренникову, который и по сей день остается под домашним арестом. Неудивительно и совершенно логично, что в XVII фестивале Премии Европы в центре внимания оказался исключительно русский, а конкретно – петербургский театр.

Начну, конечно же, с Валерия Фокина Народного артиста РФ, художественного руководителя Александринского театра, которому была присуждена XVII Европейская театральная премия за вклад в театральное искусство и «в знак признания его революционных концепций в общественной деятельности». Цитата из официального представления звучит довольно архаично, но, видимо, нам придется поверить, что она емко передает суть и пафос творческого пути этого режиссера. Мы должны были посмотреть три его спектакля. Один из них был отменен по неизвестным нам причинам, а второй – «Швейк. Возвращение» по мотивам Ярослава Гашека был принят публикой довольно сдержанно и прохладно. Многие не могли понять, почему этот пестрый по трактовке и эстетике спектакль Фокина был отобран для показа в главной программе Премии.

Заключительный вечер и церемония передачи призов в роскошном зале Александринского театра завершилось, конечно, спектаклем Фокина «Маскарад. Воспоминания будущего» по драме Лермонтова и спектаклю Всеволода Мейерхольда. Премьера этого легендарного спектакля состоялась в феврале 1917 года, и это был последний спектакль, финансированный Директоратом Императорских театров. Считалось, что в 1941 году, при бомбежке Петербурга, бомба, попавшая в сарай, где хранились декорации, уничтожила все. Однако слухи не подтвердились, советская власть просто не желала видеть этот спектакль на сцене. К столетию со дня первой постановки спектакля Фокин восстановил «Маскарад»: мизансцену, костюмы по эскизам А.Я. Головина, сценографию, музыкальный стиль спектакля. Одновременно режиссер использовал новейшие технологии, логично включенные визуально-пластические, ритмические и другие авторские ремарки, которые прозвучали этаким контрапунктом прошлого с настоящим. Спектакль получился ярким и очень зрелищным.

Специальный приз, практически равноценный Европейской театральной премии, был присужден испанской актрисе Нурии Эспер. Она в двенадцать лет была принята в труппу театра Барселоны; в семнадцать лет сыграла Медею; стала первой артисткой Испании, сыгравшей Гамлета... Актриса от Бога, энергичная, неутомимая, активная и правдивая в жизни и на сцене, в политике и во всем, что касается защиты культурных ценностей и культурного наследия единой Европы. Приехать она не смогла, но Международная ассоциация театральных критиков провела специальную конференцию с показом отрывков из ее спектаклей и фильмов. Пресса назвала ее Королевой испанской сцены.

В традиционной программе Премии – «Возвращение», в которой во всех странах показывают спектакли уже премированных режиссеров, в этом семнадцатом издании были представлены спектакли

Сцена из спектакля «Гамлет»

только петербургских режиссеров. В Малом драматическом театре – театре Европы нам показали один спектакль Льва Додина и три спектакля Андрея Могучего в Большом драматическом театре. Спектакли Кирилла Серебренникова, конечно же, посмотреть не удалось из-за вышеуказанной причины. Лауреат премии «Новые реалии» португалец Тьяго Родригас на торжественной церемонии закрытия Премии в знак поддержки передал свой приз Кириллу Серебренникову.

Лев Додин показал необычный, суровый и современный спектакль с великолепным Гамлетом (Данила Козловский) и совершенно блестящей Гертрудой (Ксения Раппопорт). В зале и на открытой сцене вроде бы все было очень просто. Голая площадка сцены, минимализм четких линий конструкций в ее глубине и черно-белое освещение. Эта простота была обманчивой: с первого же появления Гамлета из боковой двери партера все наполнилось тем чудом живого театра, который способен создать только большой Мастер. Шекспировский текст у Додина разбавлен отрывками из Рафаэля английского хрониста Холиншеда и датского летописца Саксона Грамматика. Эта прекрасная адаптация по крупинкам, но четко по замыслу режиссера передавала фатальное бремя мести и жестокости человеческого бытия. Сильный спектакль с очень жестким финалом, где Фортинбрас выходит, вещая с экрана телевизора, сбрасывает в люки трупы и начинает превращать сцену в роскошный дворец. Последний монолог Фортинбраса звучит, как вести или хроника событий. Новый правитель Дании приносит с собой не восстановление справедливости, а лишь желание власти и опасность диктатуры. «Гамлет» Додина оставил, пожалуй, самое сильное впечатление в программе Премии.

Андрей Могучий, второй участник «Возвращения», на этот раз приятно удивил. После откровенно монументальной эстетики в стиле ампир, которой он меня буквально «раздавил» в «Синей птице» Метерлинка (2011 г.), я не видела ни одного его спектакля. На сей раз он представил трогательно-сентиментальное путешествие в жизнь по мотивам «Алисы в стране чудес». Моноспектакль со всеми сопутствующими спецэффектами блестяще был сыгран известной русской актрисой Алисой Фрейндлих. «Грозу» по Островскому я не смогла посмотреть, но по отголоскам критики Могучий поставил этот спектакль «так, как его ставили до Станиславского». В «Губернаторе» же по рассказу Леонида Андреева я увидела знакомого мне Могучего. Мощная, монументальная эстетика, крупными мазками поставленные сцены спектакля, персонажи, если не скрытые маской, то с гримом, четко подходящим к характеру персонажа (скорбь, злодей и т.д.), спецэффекты, видеоинсталяции, крупная, мобильная декорация, меняющаяся на глазах у зрителей и абсолютно контрастный, либо точно и гротескно имитирующий действие музыкальный фон. Все это великолепие на сей раз очень гармонично было направлено на то, чтобы рассказать об убийстве губернатора, доказать его виновность и показать порочность власти, которая там, здесь, везде и всегда однозначно жестока. Не знаю, как раньше и в каком спектакле, но для меня именно в «Губернаторе» нашел Андрей Могучий ту умеренность и равновесие, которые необходимы театральным режиссерам, ра-

ботающим в эстетике, да простится мне условное название, монументальной режиссуры.

Призеров Европейской театральной премии в последние годы стало, пожалуй, многовато. Появилась номинация «Специальный приз», которая по значимости стала приравниваться к главной премии. Постепенно увеличилось число призеров «Театральной реальности». Ну что же, все логично! Конечно, театр не имеет географических очертаний, однако Европа расширилась, обрела новые страны, новых людей и новые точки отсчета в театральном искусстве. Вот так и получилось, что в номинации «Театральной реальности» оказалось шесть лауреатов, в Санкт-Петербург же приехали четверо. В предверии своей парижской премьеры не смог приехать Жюльен Госслен. Не выдали визу, по мнению критики, самому интересному Мило Рау, так как на территории России он остается персоной нон грата. Дело в том, что в своем проекте «The Moscow Girls» Мило Рау беспощадно раскритиковал Россию за ущемление свободы в искусстве.

Освободившиеся ввиду отсутствия двух лауреатов места весьма продуктивно использовал Тьяго Родригас, который показал нам отрывок из неоконченного спектакля «Сожжение флага», интерактивный спектакль «Наизусть» и выдержанный в строгой черно-белой гамме «Дыхание». Интересный своей кажущейся простотой спектакль прозвучал как признание в любви невидимым слугам театра, а конкретно – суфлеру, который, как память театра, помогает актерам вспоминать и помнить. Роль суфлера прекрасно исполнила действительно суфлер Лиссабонского Национального театра королевы Марии II.

Несколько запоздавшим показалось критике награждение «Новой театральной реальностью» шведской компании «Циркус-Циркор» кандидатов 2008 года. Трогательный цирковой перформанс был щедро компенсирован встречей с Тильдой Бьефорс, основателем и директором этой компании. Более двадцати лет она создает цирковые перформансы, осуществляет проекты, проводит мастер-классы, фестивали, преподает в университетах танца и цирка, получает призы, которые никогда не присуждались в сфере циркового искусства.

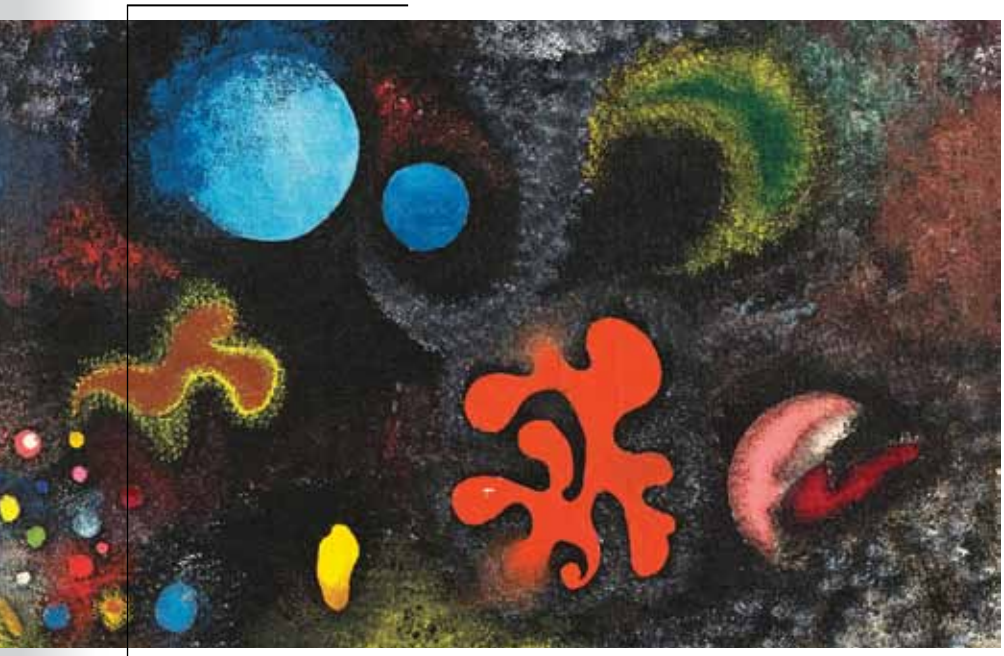
«Циркус-Циркор»

Накануне закрытия Премии в Театре-фестивале «Балтийский дома» мы посмотрели спектакль польского призера премии Яна Кляты – «Враг народа». Молодой режиссер поставил свыше тридцати спектаклей, поставил он также «Макбета» во МХАТе им. Чехова. Критика назвала его возмутителем спокойствия и театральным революционером. Возможно, так и есть! Я не видела его других спектаклей. Но «Враг народа», откровенно китчевый и крикливо динамичный спектакль, честно говоря, меня ничем не привлек, и уж никак не убедил в правоте выбора Большого жюри Премии.

Одним из самых интересных спектаклей в программе оказался «Пазл» лауреата этой премии Сиди Ларби Шеркауи, хореографа, ныне художественного руководителя Королевского театра Фландрии, который, по его же словам, всю жизнь пытался совместить несовместимое и передать все это языком тела, языком пластики. Как, например, в спектакле «От В до Б, вера», где создается этакий симбиоз средневековой живой музыки, народных песен, танца и современного театра. В другом спектакле «Нечего из ничего» он пытается передать синтез, а может, и общность разных культур языком пластики. Также и спектакль «Пазл» – это «множество и множественное», вытекающее и втекающее в то целое, что есть универсальность и единство жизни и движения.

Даже тем, кто привык к ритму Европейской театральной премии не всегда удается побывать на всех мероприятиях. Довольно насыщенной была и на этой церемонии сопутствующая программа: пресс-конференции, встречи с лауреатами, Конгресс, Генеральная ассамблея и заседание исполкома Международной ассоциации театральных критиков и т.д.

Пока еще неизвестно, в какой стране и когда состоится следующий фестиваль Европейской театральной премии. Возможно, узнаем мы об этом весной или чуть попозже. Однако, я уверена, что актеры, режиссеры, критики, профессионалы и просто любители театра последуют за этим значительным и всегда интересным европейским театральным форумом.



ВОЗДУШНЫЕ ОБЛАКА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

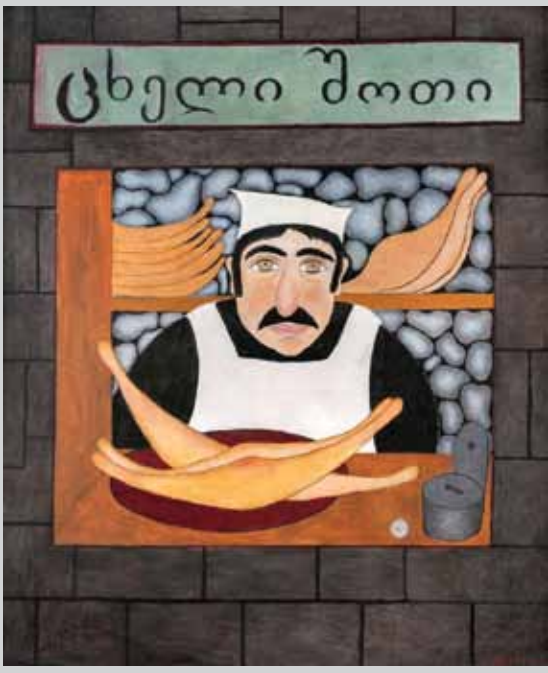
Ирина КАНДЕЛАКИ

В Тбилиси вышел в свет художественный альбом «Графика, живопись, эбру» Лии Сихарулидзе, давнего друга редакции журнала «Русский клуб». Автор альбома не просто талантливый художник, Лия Сихарулидзе – творец единственный в своем роде – художник-реставратор особо ценных рукописных книг. За годы своей деятельности она отреставрировала и переплела более 900 старинных манускриптов. Лия Сихарулидзе не только продлевает век бесценным пергаментам, но и создает копии и муляжи грузинских рукописей XI-XIII веков, которые знакомят широкую общественность с грузинскими рукописями, внесенными в список культурного наследия ЮНЕСКО.

В разделе «Графика» альбома широко представлены разнообразные направления профессионального творчества Сихарулидзе. В свое время, работая над реставрацией средневековой книги XIII века – сванского «Иенашского четвероевангелия», она была настолько восхищена украшенными орнаментами буквами древнего асомтаврули, что решила воссоздать недостающие в книге буквы. Созданный ею образец старинного алфавита получил высокую оценку специалистов. В новом альбоме представлены копии икон и фрагментов рукописей, грамоты, наградные листы и дипломы для почетных граждан Тбилиси и высоких гостей, оформленные в стилистике грузинских рукописных шедевров. В числе ее графических работ красочная «Сцена интронизации Патриарха», выполненная на пергаменте. «Отче наш» и «Десять заповедей», орнаменты страниц юбилейного издания «Вепхисткаосани» с фрагментами текста поэмы, переписанными выдающимися гражданами страны. Виртуозное владение стилистикой старинных миниатюр предоставляет автору простор для импровизации: в одной из рукописных книг XI века сохранились изображения святых Иоанна, Луки и Марка, а страница с изображением евангелиста Матвея была утеряна. По образцу древних

Лия Сихарулидзе

миниатюр Лия Сихарулидзе написала иконописный облик Св. Матвея. «Реставрационная деятельность органично сливается с талантом Лии Сихарулидзе как искусного художника и графика», – отмечает в аннотации к альбому художник Теона Церетели. «Бесценен вклад, который вносит в реставрацию Лия Сихарулидзе. Новое издание



дает возможность общественности лучше узнать ее творчество, найти связующее звено между грузинской миниатюрой и современной живописью, оценить навыки, знания и возможности мастера».

Действительно, альбом знакомит с разнообразными гранями таланта Лии Сихарулидзе, которая даже на пляж приходит с мольбертом. Учитывая ее нагрузки, загадкой остается, когда эта элегантная голубоглазая дама спит и ест – если она не занята реставрацией древностей, то рисует, черпая сюжеты из окружающей действительности. Живопись для нее своего рода релаксация и послание миру, полное тепла и чуть иронической мудрости. Зачастую Лия концентрирует свое творческое внимание на банальных предметах, превращая их в запоминающиеся натюрморты («Приглашение к чаю», «Завтрак»). Порой воспаряет над городскими улицами, горными склонами, лесами, и тогда появляются пейзажи («Деревня в горах», «Город зимой»), увиденные с высоты птичьего полета. На портретах, написанных в лаконичной манере, представлены люди, о которых можно без труда насочинять истории («Пекарь», которого хочется назвать «Пурщиком», «Маро бебо», «Кахетинец»), черты их лиц, изгиб бровей, позы характерны для обитателей грузинских дворов и виноградников, но в то же время они индивидуальны и каждый несет груз своей жизненной тайны. В альбом вошли портрет матери, несколько живописных портретов сына по мере его взросления, написанных с изрядной долей юмора и бесконечной любовью. Один из портретов улыбающегося мальчика с пуделем художница назвала – «Швилеби», что правильнее всего перевести не просто «Дети», а – «Мои дети». Картины Лии Сихарулидзе наполнены неповторимым колоритом Тбилиси и природы родной страны, напоены ароматами трав долин и ущелий, запахом свежего лаваша и забродившего вина. Она останавливает взгляд на цветах, деревьях, а белый журавль в танце становится на ее полотне символом свободы.

В области реставрации Лия Сихарулидзе универсальный мастер, владеющий различными техниками и методиками. И при этом она постоянно продолжает учиться, открывая для себя все новые и новые возможности. Много лет назад в Тарту она познакомилась с техникой рисования на воде, а всего два года назад прошла двухгодичный курс Турецкого института искусств им. Юнуса Эмре в Тбилиси и получила сертификат специалиста по эбру. В Турции техника рисования на воде появилась еще в VII веке, а название «Эбру» происходит от персидского «ebri», что означает «воздушные облака». Рисуют картины в технике эрбу специальными красками на подготовленной

водной поверхности, потом рисунок переносится на бумажный лист, дерево, ткани, керамику, кожу. «Воздушные облака» Лии полны лиризма, они изящны и легки, как весенняя капель. Рассматривая узоры ее эбру, становится понятно, почему автору понадобился столь нежный материал для выражения своих эмоций. Принято считать, что писать на духовные темы и создавать картины в технике эбру может только человек с чистыми помыслами и глубоко верующий. Творчество Лии Сихарулидзе, представленное в ее альбоме, полностью соответствует этой аксиоме.

Компьютерный дизайнер альбома Важа Барамидзе, сын художницы, творчески подошел к своей работе: обращает внимание оглавление, проиллюстрированное всеми картинами сборника. Казалось бы, что помещенный на обложку любой фрагмент графики в стиле старинной миниатюры мог бы стать самым выигрышным решением оформления издания. Но духовные темы создатели альбома тактично решили не афишировать, и украсили обложку книги живописной композицией «Вселенная», символично объединяющей связь времен в творчестве удивительного мастера.

ЗАВТРА БУДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ!

Призвание Анны Николава, по всей видимости, заключается в том, чтобы расширять свои горизонты и проживать каждый день не как очередной, а как новый.

Пять лет назад мы опубликовали заметку, посвященную актрисе, и вот сейчас, оглядываясь назад, остается только удивляться, как много было ею сделано за эти годы!

Она сыграла запоминающиеся роли в спектаклях Авто Варсимашвили «Ревизор» и «А.Л.Ж.И.Р.», в музыкальных сказках «Крылья для Дюймовочки» (реж. Л. Узунян), «Конек-Горбунок» и «Путешествие в страну чудес» (реж. В. Николава). Более того, последняя была поставлена по пьесе, написанной Анной. Кроме того, она написала тексты песен для «Конька-Горбунка», инсценировку по сказке Шарля Перро «Красная Шапочка», поставленной в Грибоедовском, и по повести Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», которая стала замечательным спектаклем, выпущенным Вахтангом Николава в Пермском театре «У Моста».

Анна создала еще одно прекрасное творение – четыре года назад у нее и Вахтанга родилась дочка Николь.

Поздравляем Аннушку с днем рождения! Желаем преодоления всех трудностей, радости, благоденствия и много-много успешных премьер – на радость всем нам! Завтра будет новый день!

ПО СЧАСТЛИВОМУ МАРШРУТУ

«Ужель мне скоро тридцать лет?», – удрученно писал классик. Как выясняется (и за примером далеко идти не надо), к тридцатилетию можно подойти и в ином расположении духа.

Судьба Наталии Воронюк, яркая, насыщенная событиями, – прекрасный тому пример. Судите сами. Она родилась в Одессе, окончила курс Богдана Ступки в Киевском Национальном театральном университете театра, кино и телевидения им. Карпенко-Карого. Три сезона служила в Театре им. Ивана Франко, где в числе других сыграла роль Катерины в драме А. Островского «Гроза». Затем Наталия стала актрисой Киевского академического Молодого Театра, плотно занятой в репертуаре.

И тут в жизни Наташи случился счастливый маршрут: Украина – Грузия. С 2014 года она служит в театре им. Грибоедова. За это время она выходила на сцену в спектаклях «Нахлебник» И. Тургенева, «Поздняя любовь» А. Островского, «А.Л.Ж.И.Р.» А. Варсимашвили, «Водевиль, водевиль!» Э. Лабиша, в музыкальных сказках. А когда «Свободный театр» открыл новый сезон возобновленной постановкой – успевшим войти в театральную легенду Тбилиси спектаклем «Комедианты» – Наталия Воронюк, по приглашению Авто Варсимашвили, сыграла в нем главную женскую роль, и круг ее почитателей расширился.

А еще Наташа в Грузии вышла замуж и родила сына. Замечательный результат к собственному 30-тридцатилетию! А сколько еще впереди!

Сердечно поздравляем Наталию Воронюк с днем рождения и желаем радости, побед и удачи!

Танцоры ансамбля «Лиле»

ПРАЗДНИК СИЛЫ ВОЛИ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Первый международный фестиваль песни, танца и искусства лиц с ограниченными возможностями здоровья «Иверия – бриллиант» состоялся в Тбилисском государственном медицинском университете. Мероприятие с благословения Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II проводилось организацией «Социальное предприятие», издающей «Особенный журнал».

По словам организатора мероприятия, главного редактора «Особенного журнала» Нугзара Чиаберашвили, до сегодняшнего дня в Грузии не было прецедента проведения подобного фестиваля. «Иверия – бриллиант» дал грузинской аудитории возможность увидеть людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с новой стороны, и убедиться, какими талантами они обладают. В фестивале-конкурсе участвовали лица с ОВЗ из Тбилиси, Кварели, Гори, Кутаиси, Марнеули, Рустави и других городов страны. В нем приняли участие гости из Украины, Польши, Германии. Фестиваль вызвал живой интерес у зрителей, большой зал Медицинского университета, вмещающий более пятисот человек, был переполнен. В зале находился специальный переводчик языка жестов, который переводил для людей, лишенных слуха, все, о чем говорили на гала-концерте.

По словам председателя жюри фестиваля, известного врача Ладо Кахадзе, они с Нугзаром договорились, что не будут употреблять термин «лица с ограниченными возможностями здоровья», а называть их людьми с особыми навыками. Кахадзе отметил, что у него собраны фотографии картин и рисунков, созданных ими: одному из авторов работ 41 год, этот человек никогда не видел, и до сих пор передвигается в сопровождении матери. «Когда смотришь на эти работы, скажешь, что человек рисует то, что видит глаз? Нет, это мозг «рисует». До мозга можно донести информацию прикосновением руки, словом, ведь слова имеют цвет, тепло, энергетику. Когда они поют, то поют не о своей проблеме, а о надежде, когда танцуют, – показывают, что попав в такое положение, не опускают руки, как бы говоря нам: «Видишь, какой я молодец! Но, когда ты рядом со мной, я в десять раз сильнее». Представьте, если их будет поддерживать государство, они станут в миллион раз сильнее», – отметил Кахадзе. По его словам, этот фестиваль – хорошая проверка, насколько инфраструктура нашей страны (транспорт, гостиницы, концертные залы, рестораны) приспособлена для их нужд. Приехавших на мероприятие многочисленных гостей организаторы разместили в нескольких специально отобранных гостиницах, которые адаптированы к потребностям лиц с ОВЗ.

По словам гостьи фестиваля из Украины, основателя конкурса «Золотая птица» Марины Бушинской, представители украинской делегации очень рады, что посетили нашу солнечную и теплую страну: «Хочу пожелать всем участникам здоровья и много эмоций. Я надеюсь, что впечатления, полученные сегодня, останутся с ними надолго. Эти люди имеют очень чистое сердце, настоящую душу,

у которых мы должны учиться, потому что они – герои, дети – герои, я преклоняюсь перед ними, ведь они еще находят в себе силы заниматься творчеством», – отметила Бушинская.

Маленький певец Лука Маргвелашвили из Тбилиси очень трогательно исполнил известную патриотическую песню и сорвал бурные аплодисменты зала. Представитель компании Mr. Shavit Studio Нана Саришвили передала ему в дар икону св. Гавриила Самтаврийского, а в конце мероприятия Луке подарили ходунки.

Хореографический ансамбль «Лиле» представил зрителям танец «Ачарули» и оригинальное попурри из грузинских танцев. Эти молодые люди танцевали очень слаженно и синхронно, во время своего выступления они пристально следили за жестами человека, сидящего в первом ряду. Как стало известно позже со слов конферансье Анни Гюнтер, этот ансамбль существует при Союзе глухих Грузии, а человек, руководящий танцами – известный хореограф Каха Херхадзе, который специальными жестами указывал подопечным, какой отрезок танца нужно исполнять, ведь саму музыку они не слышат. Выступление «Лиле» заслужило море оваций. Примечательно, что этот ансамбль несколько лет назад вышел в финал телевизионного проекта «Ничиери» («Талантливый») и привел в полный восторг всех членов жюри. Режиссер Леван Цуладзе отметил тогда, что видел огромное чудо. «Это чудо победы человеческого духа над обстоятельствами. Что самое важное, эти необыкновенные люди вместе борются со всеми сложными препятствиями, которые только могут возникнуть на пути человека, и так великолепно побеждают», – отметил Цуладзе.

Пара Виктор Каркишвили и Нуца Гигаури исполнили румбу «Фристайл», и сделали это очень виртуозно: они выступают уже не первый год и приняли участие во многих фестивалях. Их выступлению позавидовал бы любой танцор, который не испытывает проблем с передвижением. Каркишвили стал лауреатом не только этого конкурса, но и аналогичного соревнования, состоявшегося в минувшем году в Украине. На своей страничке в социальной сети Facebook Виктор написал, что и дальше будет активно выступать, представляя Грузию на различных международных турнирах по паратанцам.

Поет Лука Маргвелашвили

Нугзар Чиаберашвили

Украинская танцевальная пара Наталия Видайко и Сергей Рогаль завоевала Гран-при фестиваля. Сидя в кресле, они станцевали зажигательный рок-н-ролл и великолепный романтический вальс. Победа пары имела широкий резонанс на их родине, президент Украины Петро Порошенко на своем официальном сайте опубликовал поздравительное письмо, адресованное артистам.

В фойе концертного зала была организована выставка-продажа работ участников фестиваля: здесь были представлены рисунки, вышивки, рукоделие, гобелены, иконы, доход от продажи которых получили авторы. Организаторы намерены превратить эту выставку-продажу в отдельный, более масштабный проект, который планируется осуществить весной 2019 года.

Участники фестиваля получили много призов, дипломы, а

Танцуют Виктор Каркишвили и Нуца Гигаури

также памятные медали «Иверия – бриллиант» в форме Болнисского креста, украшенные красивым орнаментом. По словам Нугзара Чиаберашвили, в фестивале также приняли участие люди, у которых нет подобных проблем со здоровьем, и общаясь с лицами с ОВЗ, они обрели новое дыхание. И наоборот, люди, пользующиеся креслом или слабовидящие, почувствовав поддержку известных артистов и общественных деятелей, стали более мотивированными.

Католикос-Патриарх Илия II принял в своей резиденции победителей фестиваля, благословил их и пожелал успехов на своем поприще. Во время встречи участники представили свои номера, которые принесли им победу. «День счастливее сегодняшнего, когда мы встречаемся с Его Святейшеством, наверное, очень редко бывает в жизни человека. Я уверен, что для каждого из побывавших на этой встрече он станет незабываемым, и с этого дня в их жизни все изменится к лучшему», – отметил Чиаберашвили. По словам одного из лауреатов, клавишника и вокалиста Шабана Мамедова из Марнеули, он является обладателем трех международных Гран-при, однако этот фестиваль был для него важен тем, что был фестивалем лиц с ОВЗ.

Нугзар Чиаберашвили поблагодарил всех, кто поддержал фестиваль, отметив, что сегодня очень трудно найти таких людей. По словам Нугзара, золотым спонсором выступила компания Geobuilder Cement, руководитель которой даже не дал ему объяснить, что нужно, а просто сказал, что хорошо понимает и много знает об этой проблеме, и оказал фестивалю максимальную помощь. Спонсорами мероприятия также были строительная компания New Horizon и фармацевтическая компания PSP. Предприниматель и член жюри фестиваля Георгий Маисурадзе трудоустроил у себя на предприятии в Рустави одного человека с ОВЗ. Работа этого сотрудника будет несложной, он будет занят два дня в неделю, и получать достаточно солидное жалованье. «Это прецедент того, чтобы все предприятия в

Поделки участников фестиваля

Грузии, где работают пятнадцать-двадцать сотрудников, дали работу одному такому человеку. У всех нас есть определенные навыки, в том числе и у людей с ОВЗ, поэтому нужно использовать возможности, которые нам даны», – отметил Чиаберашвили.

По его словам, фестиваль «Иверия – бриллиант» призван внести свою лепту в воплощение статьи 349 Соглашения об ассоциации между Грузией и Евросоюзом, которая предусматривает улучшение системы социальной безопасности для лиц с ОВЗ. Соглашение нужно претворять в жизнь, и этим должно заниматься не только государство. В данном случае, оказалось достаточно и частной инициатив. «Может, мы не станем членами Евросоюза завтра или послезавтра, но мы тоже можем жить теми же ценностями, какими живет Европа, что нас в ней так привлекает», – отметил Чиаберашвили. По его словам, очень большое значение для Грузии имеет ресоциализация лиц с ОВЗ, их реабилитация и полная интеграция в общество, чтобы права этих людей были защищены, и они жили в соответствии со своими взглядами, талантом и интересами. Важным вызовом является их образование, трудоустройство, участие в любой сфере человеческой деятельности, включая и искусство. Очень важно ознакомить широкую общественность с их творчеством.

Школа в Гореловке

РУССКОЙ ШКОЛЕ – СТАТУС ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРЫ

Соб. инф.

Статус недвижимого памятника Культурного наследия Грузии получила русская школа №1 имени Льва Толстого в духоборском селе Гореловка Ниноцминдского муниципалитета. Она основана в 1903 году на пожертвования великого писателя.

Религиозная группа духоборов появилась в России во второй половине XVIII века. Духоборы не признавали какую-либо власть, в том числе церковную. Они отказывались платить налоги, проходить обязательную военную службу и не признавали крепостного права. Царская власть видела в них потенциальную угрозу для стабильности страны и поставила ультиматум: либо они принимают православие, либо переселяются на Кавказ. Так духоборы появились в Грузии. Гореловка стала центром духоборского восстания, вспыхнувшего из-за введения в Закавказье всеобщей воинской повинности. Восстание подавили казаки, несколько сот семей переселили из Джавахети в Кахети.

В защиту духоборов активно выступил Лев Толстой. Он специально закончил отложенный роман «Воскресение» и использовал гонорар для строительства школы и переселения значительной части духоборов в Канаду. Вторая волна эмиграции пришлась на 1990-е годы. Сегодня в Ниноцминдском районе живут около 170 духоборов, а Гореловка – место паломничества их единоверцев со всего мира.

Педагоги школы

В октябре 2003 года по ходатайству Союза русских женщин Грузии «Ярославна» (председатель Алла Беженцева) и при поддержке Министерства образования и науки Грузии Гореловской школе было присвоено имя Л. Н. Толстого, а трем педагогам и директору школы были вручены правительственные награды. Тогда же по инициативе Международного культурно-просветительского Союза (МКПС) «Русский клуб» (президент Николай Свентицкий) повесили мемориальную доску, посвященную Л.Н.Толстому.

В 2011 году посещение этой школы стало главным событием для участников «Дней Льва Толстого в Грузии», организованных «Русским клубом» и музеем-усадьбой Льва Толстого «Ясная Поляна».

В советские годы в этой школе учились до 450 ребят, сейчас здесь около 40 детей, в основном из духоборческой общины Ниноцминдского района. Они регулярно получают новогодние подарки от «Русского клуба» и Союза русской молодежи Грузии, участвуют в различных мероприятиях, проводимых этими организациями.

«Статус, присвоенный нашей школе, – говорит директор учебного заведения Татьяна Карева, – обязывает нас быть более ответственными и сохранять культурное достояние предков».

Коллектив Института физики АН ГССР. В центре — Э. Андроникашвили. 1980

Те имена, что ты сберег

Владимир ГОЛОВИН

В разгар его научной деятельности по стране прокатилось противопоставление физиков и лириков. После того, как поэт Борис Слуцкий написал стихотворение, начинающееся словами: «Что-то физики в почете. Что-то лирики в загоне», все стали обсуждать, кто приносит больше пользы – «физики», то есть представители точных наук или «лирики», иначе говоря, гуманитарии. К Элевтеру Андроникашвили такое противопоставление не имело никакого отношения. Он был не просто физиком, а выдающимся, это доказано его работами по квантовой гидродинамике, физике низких температур, физике космических лучей, сверхтекучести, радиационной физике твердого тела, ядерной технике, биофизике и биотермодинамике. Но его стилю изложения интереснейших мыслей и пониманию литературы может позавидовать любой гуманитарий. А его рассказы о времени и о себе читаются как захватывающий роман даже людьми, далекими от науки.

Этот человек работал с лауреатом Нобелевской премии Петром Капицей и близко дружил с другим обладателем этой награды Львом Ландау. Один из создателей атомной и ядерной бомб Зельдович был для него просто Яшей, руководитель отдела в Институте атомной энергии Каган – Юрой, крупнейший специалист в области электронных явлений и физики низких температур Хайкин – Мишей, а первый директор Института теоретической физики Халатников – вообще «Халатом». И в то же время он был своим в семьях Бориса Пастернака и Алексея Толстого, Юрия Тынянова и Виктора Шкловского. Лукаво прищурившись, он утверждал, что именно своим примером в импровизациях он побудил брата-«лирика» Ираклия стать великолепным рассказчиком, прославившимся под русским вариантом фамилии – Андроников…

В первой трети прошлого века имя отца этих братьев, адвоката-дворянина Луарсаба Андроникашвили гремело по всей Российской империи. Уроженец Кахети после Тифлисской гимназии поступает на юридический факультет Петербургского университета, а затем уезжает в мировые центры философского образования Гейдельберг и Страсбург. Преуспев там, он возвращается в Петербургский университет, в 1899 году оканчивает его и подготовке к

Луарсаб Андроникашвили

должности профессора предпочитает практику. Причем занимается только политическими делами, защищая противников власти. Современники подчеркивают, что «его судебные защиты и сильно мотивированные заключения по так называемым политическим преступлениям... заложили основу для последующей судебной практики по обсуждению этих преступлений». Он выигрывает громкие судебные процессы, имеющие не только всероссийский, но и международный резонанс. Он спасает от смертной казни сотни (!) людей. Власти считают его политически неблагонадежным, он дважды привлекается к уголовной ответственности за крамольные речи. А черносотенцы начинают самую настоящую охоту: обстреливают его автомобиль, ночью, взломав двери, врываются в квартиру, он спасается через черный ход.

Его и сейчас продолжают считать образцом профессиональной честности. Он был юрисконсультом городских управ Баку, Петербурга и Батуми. Временное правительство назначило его секретарем уголовного департамента Сената. Блестящий эрудит, он – свой человек в литературных кругах. Марина Цветаева вспоминает, как он выступал на вечере вместе с ней, Сергеем Есениным, Осипом Мандельштамом, Сергеем Городецким… А в известной всему Петербургу семье филолога, педагога, благотворителя Якова Гуревича он знакомится с его дочерью Екатериной. Она и становится женой Луарсаба. Ее мать, бабушка Ираклия и Элевтера – сестра матери знаменитого философа Ивана Ильина, который в 1922-м по приказу Ленина будет выслан из СССР на «философском пароходе» вместе с еще 160 виднейшими интеллектуалами.

С 1918 по 1920 годы Андроникашвили преподает историю философии и судебное красноречие в российских вузах, а затем переезжает на родину. Он создает в Грузии систему юридического просвещения, организует в Тбилисском университете юридический факультет и воспитывает несколько поколений юристов, пишет особый «Курс уголовного права». А в 1931 году выигрывает в США судебный спор в связи с ликвидацией в Чиатура концессии американской марганцево-промышленной фирмы.

Столь подробный рассказ об этом удивительном человеке необходим – без него не понять, какие гены переданы Элевтеру, родившемуся в 1910 году, и Ираклию, который был на пару лет старше. Как и в Петербурге, тбилисский дом Андроникашвили на улице Дзнеладзе (ныне – Табукашвили) полон творческой интеллигенции. Так что обстановке, в которой росли сыновья адвоката, можно позавидовать. Элевтер Луарсабович вспоминает, как к ним часто приходили поэты Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, режиссеры Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели… Правда, братья – отнюдь не паиньки: «Мы с Ираклием дрались, притом так жестоко, что соседка из дома напротив «вывешивалась» в своем окне и следила за нами. Драки назначались на то время, когда не было родителей».

И вдруг запланированная драка срывается. Отец появляется неожиданно, с билетами в руках: «Мальчики, вы сегодня идете в оперу, на «Севильского цирюльника». Со стороны сорванцов – никакой радости. «Скандал, обвинения родителей в отсутствии демократичности и насилии над личностью. Но нас все-таки поволокли, и мы… с первого же дня стали меломанами. Не пропускали ни одного спектакля и украшали жизнь родителей всякого роды дуэтами и ариями». Так Ираклий сделал первые шаги к тому, чтобы украшать своими импровизациями жизнь целой страны. У Элевтера – своя позиция: «Как я мог считать его старше, если, по всей видимости, был гораздо разумнее его?» Впрочем, разумность эта проявляется не всегда. В деревне Элевтер, обожающий лошадей, ездит в гости за четыре километра на… Ираклии, который на весь день становится «конем», ржет и «копает копытами» землю.

Точно так же Элевтер, в полном смысле этого слова, въезжает и в мир большой русской литературы. В 1925 году Ираклий отправляется в Ле-

Элевтер Андроникашвили в 1950-е годы

Элевтер Андроникашвили с семьей брата Ираклия

нинград, поступать в университет, вместе с ним едет и 15-летний брат. Ребята попадают в дом Алексея Толстого, который смог второй раз жениться лишь благодаря помощи их отца: тот уговорил своего друга-адвоката «отпустить» жену к писателю. Помня, что Луарсаб Константинович – «тот благородный грузин», который помог ему, Толстой организует стол с обильным винным возлиянием и спрашивает братьев, что они умеют делать. Те, хлебнув каберне, предлагают «высшую школу езды». Слово – Ираклию: «Я выпрямился и опустил руки, чуть нагнув голову, брат, разбежавшись, вскочил мне на плечи, стиснул шею ногами, схватил мои волосы, как поводья, ударил меня несколько раз каблуками, стал меня дергать и горячить. Я закидывал «морду», косил глазом, жевал «удила», фыркал, ржал, пятился… Я перемахнул с ним через канапе, выскочил в коридор, снова влетел галопом… Так мы попали в толстовский дом».

В том же 1925-м Элевтер – среди первых слушателей читки романа Юрия Тынянова «Кюхля» у выдающегося литературоведа Бориса Эйхенбаума. А это – слова дочери Эйхенбаума, Ольги: «За столом сидят две девочки – я и моя школьная подруга. Мы пытаемся делать уроки. Пытаемся изо всех сил, но их у нас мало. Все наши мысли – только о них, о двух мальчиках, которые приехали из Тбилиси… Ираклий и Элевтер. В Элевтера влюблена я, в Ираклия – моя подруга… И вот стук в дверь – они входят. Ираклий, или Ирик, – упитанный красивый мальчик – веселый, хохотун, громогласный… и очень голодный. Он немедленно садится за стол и уплетает кашу… Элевтер худощавый, тоже красивый, но молчаливый и ироничный. Может быть, он тоже голодный, но ирония побеждает голод. Мы все тогда были голодные и почти привыкли к этому состоянию».

У видных литераторов Элевтер Лаурсабович продолжает бывать и, уже став студентом Ленинградского политехнического института, в котором с третьего курса изучает физику твердого тела в лаборатории «отца советской физики», академика Абрама Иоффе. После окончания института, в 1932-м, его направляют в Москву, в Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), где, по его словам, «родилась чуть не вся наша авиация». Брат знакомит его со многими писателями, вместе с Паоло Яшвили они бывают у Бориса Пастернака. И тот в 1933-м пишет Тициану и Нине Табидзе: «Дорогой Тициан! Благодарю Вас за отклики, косвенно дошедшие до меня через Паоло и Элевтера».

Молодой физик сближается с великим поэтом. «Борис Леонидович часто и подолгу расспрашивал меня о теории относительности и квантовой механике… Эйнштейн особенно импонировал ему… Задав несколько вопросов и получив на них «строго научные» ответы, Пастернак сворачивал разговор на метро и говорил: «Я преклоняюсь перед этими людьми, которые как кроты возятся под землей ради нас с Вами и прокладывают это замечательное метро. Расскажите, как оно устроено». Потом перед войной какой-то период я опять встречался с ним довольно часто. Теперь его интересовали низкие температуры… Бориса Леонидовича интересовала не физика, а отношение людей, знающих законы природы, к самой природе, их мировоззрение… Пастернак первый,

С Нильсом Бором. 1961

Сотрудники Института физики в Шуамта учат Н. Бора готовить шашлык

кто понял: метафоры, основанные на сравнении каких-то явлений с явлениями природы, для нашего современника уже не годятся. Из всех искусств поэзия и музыка особенно ассоциативны. В стихах надо пробуждать привычные нам ассоциации, а для большинства – это впечатления, связанные с городом... Лесные поляны он воспринимает, как залы картинной галереи. Он производит инверсию метафоры».

Согласитесь, такие слова должны были бы принадлежать искусствоведу, а не физику. Элевтер Луарсабович блестяще анализирует и Льва Толстого: «Великие открытия бывают не только в науке, но и в искусстве. Многие из них описывают подсознательное мышление... Вспомним разговор Наташи Ростовой и Пьера Безухова. Наташа рассказывает ему о своей любви к князю Андрею и о смерти князя… И вдруг она начинает чувствовать какое-то несоответствие между тем, что она рассказывает, и своим отношением к Пьеру… Она начинает ощущать в себе просыпающуюся в ней любовь к Пьеру, она начинает чувствовать, что она уже не любит князя Андрея… Почему же она не говорит о своем новом чувстве? Потому, что пока еще нет у нее языка для выражения этого нового чувства, нет сформировавшихся в сознании образов, нет отстоявшихся в сознании привычных фраз. А для той, старой, любви есть все: есть привычные образы, есть представления, с которыми она не может расстаться, несмотря на то, что теперь они перестали быть правдой. Подсознательное не может вытеснить сознательное, пока не сформировался его словесно-образный (простите меня за это слово) обиход».

А еще он пишет небольшое, очень интересное исследование «Наука и философия». Отец, который «считался одним из самых лучших знатоков Гегеля по всей России… положил передо мною, в ту пору одиннадцати- или двенадцатилетним мальчиком, восемь томов «Истории новой философии» Куно Фишера…Прочел я, протирая все время слипавшиеся глаза, страниц 30 и хватило мне этого багажа на всю жизнь. Впрочем, из всех философских дисциплин делал я еще смолоду исключение для эстетики… В 17 лет мне показалось, что я могу написать свою книгу по эстетике. Да учеба в Ленинградском политехническом институте на физико-механическом факультете помешала… И теперь вдруг набрался храбрости написать несколько страниц на тему «Наука и философия». Но если ты физик, то философия сама идет к тебе, как гора идет к Магомету».

Впрочем, все это – «лирика», а Элевтер Луарсабович прославился как физик. И нам уже пора увидеть его в науке. В 1933-м он переходит на работу в выделившийся из ЦАГИ Всесоюзный институт авиационных материалов (ВИАМ), а в Москве появляется Николай Мусхелишвили, «тогда еще молодой 42-летний профессор и декан физико-математического факультета Тбилисского университета». Он уговаривает Андроникашвили переехать в Грузию, тот упирается, «ссылаясь на то, что в ЦАГИ большая наука, в Тбилисском университете нет ничего». «Это правда, – ответил он. – Но наука там будет. И у Вас будет широкое поле деятельности, кроме науки». В конце концов молодой ученый соглашается: «Через год я уже был в Тбилиси, наверное, самым плохим доцентом среди всех его доцентов. Назначив меня на

С поэтом Дж. Чарквиани

эту должность, Мусхелишвили явно промахнулся. Разве он не понимал, что в 23 года нельзя быть хорошим лектором?»

Тут Элевтер Луарсабович явно скромничает. Став доцентом ТГУ, он успешно преподает и занимается организацией учебного процесса, продолжая при этом работать над теорией фазовых превращений в конденсированных системах, в 1935-м защищает по этой теме кандидатскую диссертацию. Но его научные интересы требуют более широкого поля деятельности, и с 1940 года Андроникашвили вновь в Москве – в Институте физических проблем АН СССР. Став учеником академика Капицы, развивает его идеи в области физики низких температур. В 1945-м, продолжая эксперименты своего учителя, проводит серию экспериментов, которые положили начало исследованиям в области квантовой гидродинамики. И, главное, изучает сверхтекучесть жидкого гелия, экспериментально подтвердив теорию своего друга академика Ландау. Уникальная методика, созданная им, так и входит в мировую науку под названием «эксперимент Андроникашвили». За доказательство того, что жидкий гелий является смесью двух жидкостей – нормальной и сверхтекучей, он в 1948-м получает докторскую степень, а через пять лет – Сталинскую премию.

В год получения докторской степени друг Андроникашвили, физик-ядерщик Аркадий Мигдал, участвующий в атомном проекте в курчатовской Лаборатории N2 АН СССР, курируемой лично Сталиным, зовет туда и Элевтера Луарсабовича. Но тому «была судьба работать в Тбилиси, где пришлось переменить физику низких температур на физику космических лучей». Ему предлагают и кафедру в Пхеньянском университете, но его «атакует» очередной ректор ТГУ, на этот раз – Николай Кецховели: «Я приехал в Москву, чтобы забрать тебя. В Корею тебя не отдам и Москве тоже не отдам. Открыл при университете физико-технический факультет с расчетом на тебя, будешь у меня его деканом. Нечего спорить – дело уже сделано».

«Заставив меня распрощаться с Москвой и поставив меня тем самым на колени, ректор решил смилостивиться и наделил… неограниченными полномочиями», – вспоминал Андроникашвили. Правда, стать деканом он категорически отказывается, так как это «заставит сидеть в Тбилиси больше, чем необходимо для дела организации новых лабораторий». Ведь в Москве он продолжает эксперименты с гелием, и его присутствие может понадобиться в любой момент. Выручает то, что он не только заведует кафедрой, а еще создает материальную базу всего факультета, и часто появляется в Москве в качестве «финансиста и снабженца» – выбивать деньги и оборудование. Из-за нехватки специалистов, он добивается зачисления студентов пятого курса лаборантами. И через полтора года на его кафедре работают 7 лабораторий, а всего на факультете, благодаря ему, их около 20...

Но физиков-теоретиков рядом много, а вот экспериментаторов, кроме двоих, «Курчатов мобилизовал на свои проблемы». Андроникашвили пребывает в растерянности, а потом берет себе в пример… знаменитого танцора Вахтанга Чабукиани. Тот, вернувшись из Ленинграда в Тбилиси, буквально в одиночку организует балетную труппу, воспитывает артистов, ставит спектакли и участвует в создании либретто. «Чабукиани стал моим девизом и живым жизненным примером… И мне придется делать экспериментальную физику, в основном, одному. Продолжать организацию учебных лабораторий, читать лекции по экспериментальной физике. Потом – продолжение гелиевых экспериментов в Москве и забросить космиков в горы...». Космики – это сотрудники базы, созданной под его руководством и его рука-

Э. Андроникашвили выступает на научной конференции

ми на Эльбрусе, на высоте 4.000 метров для исследований в области физики космических лучей.

На «несколько фронтов» он разрывается и когда в Грузии появляется свой Институт физики. «Непременно приходилось выезжать и постоянно носиться где-то между Тбилиси, Эльбрусом, Москвой, Томском, Ленинградом, Харьковом и другими городами». Отдельного здания у института нет, эксперименты проводятся в горах, в 25 километрах от Тбилиси. Дирекция, зал для семинаров, библиотека и комната для обработки фотоматериалов размещаются в старой части города, на втором этаже аварийного жилого дома. Это здание дважды горит – после того, как не выключенные электрические плитки падают с полки, когда под окнами ветхого строения проезжает грузовик. После второго пожара Андроникашвили получает инфаркт…

Но, наконец, у Института физики появляется свое здание, и Элевтер Луарсабович разворачивается вовсю. На перевале Цхрацкаро строится высокогорная станция по изучению космических лучей, в Тбилиси – подземные лаборатории, исследующие проникающую компоненту широких атмосферных ливней. Кстати, мимо них шли в Ботанический сад тысячи людей – по ныне замурованному тоннелю с улицы Энгельса (сейчас – Л. Асатиани). Ученики Андроникашвили – Владимир Роинишвили и Георгий Чиковани получают Ленинскую премию за участие в создании уникальных трековых искровых камер, которые стали использоваться во всех научных центрах мира, исследующих физику элементарных частиц.

Он вкладывает много усилий в выделение из Института физики самостоятельного Института кибернетики, в сооружение одного из лучших в СССР исследовательского ядерного реактора, организует знаменитые всесоюзные Бакурианские симпозиумы. Он получает в 1978 году Государственную премию СССР за новый способ исследования биологических макромолекул.

В Академии наук СССР он возглавляет Научный совет по проблеме «Радиация физики твердого тела». Он инициирует новое направление биотермодинамики, а на атомном реакторе создает первую в Советском Союзе низкотемпературную петлю, позволяющую облучать различные вещества при низких температурах. И, по традиции, привлекает к новому делу молодежь: «Первым низкотемпературной петлей воспользовался только что окончивший университет Вова Мелик-Шахназаров… он смог осуществить свой проект и организовать очень передовую лабораторию».

При всем этом, столь солидный ученый, академик Академии наук Грузии в 46 лет, в быту очаровывает всех своих коллег. Ведь он – настоящий грузин, гостеприимный, остроумный, отличный тамада. Об этих его качествах есть масса воспоминаний и физиков с мировыми именами, и «рядовых тружеников науки». Их может прочесть каждый, поэтому приводить их нет смысла. Как

Элевтер Андроникашвили и Лия Замтарадзе

и его собственные воспоминания, о том, как он принимал в Тбилиси и Кахети великого Нильса Бора с супругой. И все же, приведу один, отнюдь не парадный момент из этих воспоминаний – про то, как Андроникашвили и Бор застряли в лифте Института физики: «Я попробовал открыть дверь, чтобы вылезти из этой ловушки, но она намертво захлопнулась. Застряв в лифте в первый раз на 76-году своей жизни, Нильс Бор пережил моральную травму. Он схватился за мой локоть, издав невнятный и испуганный звук. Я нажимал на все кнопки. Бор издавал все новые звуки, его пальцы сжимали мое предплечье сильнее и сильнее. По ту сторону двери человек десять сотрудников застыли в ужасе, выпучив глаза и раскрыв рты...».

Этот эпизод пришел на ум, когда я недавно пришел в институт и оказался возле того самого лифта. «А чем закончилась история с застрявшим здесь Бором?» – спрашиваю друзей-физиков, докторов наук Марину Абуладзе и Дмитрия Дриаева. – «Лифтер по почте прислал заявление об увольнении». – «Почему по почте?» – «Боялся, что Элевтер его убьет», – в один голос отвечают мне.

Ну убить не убил бы, но встречаться им все

С внучатыми племянниками

рано не следовало – Элевтер Луарсабович, лично отбиравший каждого сотрудника института, был нетерпим к недисциплинированности и необязательности. Он сам признавался: «По отношению ко всем сотрудникам царила строгость и более того: неумолимость. Выговоры сыпались как из рога изобилия. Написал письмо в не тот адрес – выговор, подписался под бумагой, напечатанной с ошибками – поставить на вид. Опоздал на работу – ...но тут я умолкаю». Рассказывают, что московский высокий академический чин, пообещавший помочь в получении оборудования, не сдержал слова. Потом ему самому в чем-то понадобилась помощь Андроникашвили, и при встрече он смущенно спросил: «Мы на вы или ты?» – «На они», – холодно ответил академик.

Впрочем, строгость Элевтера Луарсабовича проявлялась по-разному. Научный сотрудник Лия Замтарадзе рассказывает, как в лаборатории проверяли под потолком трубу, по которой поступает гелий, и по ее просьбе протерли место сварки. Вскоре появляется Андроникашвили, бдительно следивший за чистотой на рабочих местах. Проводит пальцем по столам, по приборам – нет претензий. Поднимает глаза к трубе, приказывает принести стремянку и самолично поднимается под потолок. «И тут у тебя чисто?» Уходит с сердитым видом: «Не даешь человеку придраться».

Этот замечательный человек ушел из жизни в 1989-м, не успев убедиться, что его детище выдержит все испытания. Институт физики, носящий его имя, выжил в тяжелейших условиях последней четверти века, и сегодня число зарубежных грантов здесь выше, чем в любом другом НИИ. Нет, не зря он так тщательно подбирал сотрудников. Воспитанники института успешно работают в Италии, Израиле, России, США, в Европейском Центре ядерных исследований (ЦЕРН), ведущих вузах Грузии.

Могилы Э. Андроникашвили, его отца и супруги

Похоронен Андроникашвили в Дидубийском Пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии, рядом с женой и отцом... И еще слова, которые мог бы сказать тончайший лирик. Но написал их физик Андроникашвили: «…Наконец, в уже абсолютной темноте мы видим свет костра. Ложимся на землю в полной тишине, какая бывает только в горах, и протягиваем руки к хрустящему грузинскому хлебу, к свежеотваренной рыбе, к шашлыкам, к вину, к зелени, к фруктам, к арбузу... Негромкое трехголосье, сливаясь со звоном цикад, с почему-то усилившимся шумом горной реки, сливаясь с природой, заполняет тебя покоем и уверенностью в правильно и разнообразно прожитой жизни».

Рустам Ибрагимбеков

УСПЕШНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

(ВМЕСТО ВОСПОМИНАНИЙ)

ОКОНЧАНИЕ

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ

Однажды он попал под микроавтобус, ехавший задним ходом, и пытался оправдать подвыпившего водителя: «Он ехал совсем медленно, но я не успел ускорить шаг», – уверял он нас, когда его привезли домой. Водитель, тоже немолодой человек, с ним не соглашался, обвиняя в случившемся себя. Так они и расстались, рассыпаясь в благодарностях друг к другу: папа за то, что водитель после наезда не сбежал, а водитель за то, что папа не вызвал ГАИ.

Прикладывая спиртовую примочку к довольно большой опухоли на лысом черепе папы, мама шутила: «К счастью, ты ударился о мостовую самым крепким местом своего организма». Она ни словом не упрекнула водителя; мы все знали, что папа, задумавшись, не видит даже то, что происходит рядом с ним.

За год до его смерти темная родинка, расположенная под правым глазом, вдруг начала быстро расти, и известный онколог профессор Рагимов назначил ему курс облучения в своем институте; это продолжалось в течение двух месяцев. Так случилось, что к концу лечения я и Максуд вынуждены были уехать на десять дней в Москву и возить папу в больницу вызвался Полад Бюль-бюль оглы, тогда уже популярный певец и начинающий композитор.

(Несмотря на большую разницу в возрасте, он дружил с Максудом). В молодые годы Полад спал до 2-х часов дня, поэтому, согласившись возить папу в больницу по утрам, он обрек себя на мучения.

Полад был и остается очень лихим водителем. Однажды он примчал меня из Дома литераторов до аэропорта Внуково за двадцать минут, на двух постах ГАИ его пытались остановить, но он отмахнувшись проскочил мимо:

«На обратном пути разберусь», успокоил он меня, видя, что я чувствую себя виноватым. Он был популярен в России и не сомневался, что гаишники его узнают и простят.

Так вот, раздраженный не-

С Де Ниро

обходимостью вставать рано утром, Полад забирал папу и мчался в больницу с еще большей скоростью, чем обычно. Как-то совершив какое-то совсем уже рискованное нарушение, он спохватился и спросил папу: «Ничего, что я так быстро езжу, дядя Ибрагим?» Папа, оторвавшись от каких-то своих мыслей, в ответ спросил: «А ты ездишь быстро, Полад?» Полад рассказал нам об этом с легким недоумением – такое вопиющее невнимание к его водительскому таланту показалось ему странным. (Брат дружил с Поладом до конца своей жизни, а я, не общаясь с ним годами, храню благодарность за заботу о нашем папе и готов выполнить любую его просьбу, не связанную с деятельностью посла.)

Вечерами старшее поколение Ибрагимбековых собиралось у дяди Фуада, чтобы поиграть в покер. Папа в карты не играл. Повзрослев, в круг картежников вместо него вошел мой брат и неизменно проигрывал. Может быть, поэтому я никогда не испытывал интереса к азартным играм.

Брат оказал на меня сильное влияние. До четырнадцати лет он был маменькиным сыночком и имел прозвище Макса-плакса. Но вдруг резко изменился, пошел на бокс и довольно быстро завоевал репутацию человека, умеющего за себя постоять. Склонность к сочинительству проявилась у него очень рано – в тринадцать лет он написал «роман», поместившийся в двенадцатистраничную тетрадку. Всей семьей мы слушали, как он читал его при свете керосиновой лампы. Родители были в восторге от услышанного. Мне «роман» тоже понравился, он был о пиратах. Писал брат и стихи, они мне нравились меньше. Но как бы то ни было, выражаясь языком героев «романа» о пиратах, я многие годы «двигался в его кильватере».

Он был замечательным прозаиком. Повесть «И не было лучше брата» кажется мне одним из лучших образцов мировой прозы. Мое неожиданно возникшее желание последовать его примеру он поддержал сразу и безоговорочно. Но многое из написанного мною не одобрял идеологически. А мое общественное поведение с каждым годом раздражало его все больше и больше.

II

В школе я учился посредственно и в институт поступил «по блату». Муж моей тети с отцовской стороны, Алигулы Мамедов, был в те годы проректором индустриального института. И поскольку у меня к окончанию школы не выявились какие-то очевидные способности, родители решили устроить меня на нефтепромысловый факультет этого института. Они надеялись на поддержку родственника, хотя он слыл человеком строгих правил и безупречной честности. Надо сказать, что это соответствовало истине (сейчас, увы, таких вузовских работников в Азербайджане единицы).

Алигулы Мамедов не отступил из-за меня от своих принципов, и я «срезался» на первом же экзамене. Через год, подготовившись тщательней, я получил четверки по физике, математике и литературе. Проходной бал на выбранный для меня факультет был ниже, чем на другие, но, сдав последний экзамен (английский язык) на тройку, я понял, что по конкурсу не прохожу. И не очень огорченный повторной неудачей, отправился с соседом и другом Валерой Князюком в кино, которое уже тогда очень любил.

Когда я вернулся домой, родители были в панике: пока я смотрел фильм, позвонил дядя Алигулы и потребовал, чтобы я срочно приехал в институт.

Через пятнадцать минут, перескакивая с трамвая на трамвай, я добрался до места. Экзаменовавшие меня две толстые тетки задали несколько дополнительных вопросов и переделали мою «тройку» на «хорошо». С шестнадцатью баллами я прошел по конкурсу и с сентября пятьдесят шестого года начал осваивать профессию нефтяника.

На третьем курсе я за драку оказался в Баиловской следственной тюрьме и отметил в ней свое двадцатилетие. Суд, длившийся пять дней, меня оправдал, и в сентябре пятьдесят девятого года я восстановился в институте повторно на третьем курсе. (В романе «Солнечное сплетение» история моего «тюремного» приключения рассказана с существенными отклонениями от фактической).

Жизнь обошлась со мной с жесткостью маминой «немецкой» системы – месяц и двадцать дней, проведенных в тюрьме, показались мне вечностью, но именно в камере я понял, что возможность получить образование – одна из самых ценных человеческих привилегий. И выйдя на свободу, я дал себе слово стать хорошим нефтяником. Но тут произошло чудо: министерство высшего образования СССР ввело на моем факультете новую специализацию, причем только на первых трех курсах. То есть не попади я в тюрьму, чудесное нововведение, повлиявшее на всю мою дальнейшую жизнь, меня бы не коснулось.

Новая специальность под названием «Автоматизация производственных процессов», по

сути, была прикладной ветвью кибернетики, которая в СССР многие годы была под запретом. Учиться стало интересней. Кибернетика тогда вторгалась на территории многих, казалось бы, далеких от нее наук: биологии, психологии, высшей нервной деятельности… Информация о ее достижениях в основном поступала из-за рубежа. Но и в СССР уже сформировалась группа ученых, сумевших за короткий срок преодолеть многолетнее отставание. Большинство из них сосредоточилось в институте автоматики и телемеханики Академии наук СССР – ИАТе, так он тогда назывался. И защитив с отличием диплом, я принял решение стать аспирантом этого института.

Заведующий лабораторией Вычислительного центра, в который я был «распределен» после института, Юнис Махмудов, светлая голова, любимый ученик лауреата Сталинской премии академика Гутенмахера, узнав о моих намерениях, попытался меня отговорить. Он объяснил мне, что поступление в московскую аспирантуру, даже не в столь авторитетный институт как ИАТ – сложная многошаговая процедура. В первую очередь, надо найти солидного научного руководителя и получив его предварительное согласие, выполнить ряд заданий, что иногда затягивается на несколько лет. Кроме того, крупные московские ученые, как правило, предпочитают брать в аспирантуру тех, у кого есть солидные рекомендации от людей, которым эти ученые доверяют.

Раскрыв мне эту «кухню», Махмудов извинился за то, что не может дать мне рекомендательное письмо к своему учителю Гутенмахеру: в нашей лаборатории давно образовалась длинная очередь мечтающих стать аспирантом Гутенмахера, и этические соображения не позволяли ему обойти моих коллег. Я успокоил Махмудова: «Перспектива стать аспирантом Гутенмахера во ВНИИГАЗе меня не привлекает», – объяснил я ему, – «моя цель – ИАТ – единственный научный центр в стране, признанный кибернетиками всего мира». Конечно, Махмудова обидело такое пренебрежительное отношение к его кумиру Гутенмахеру, но хорошо ко мне относясь, он сделал еще одну попытку отговорить меня от скоропалительного решения.

Но уже на следующий день я поездом, чтобы сэкономить на билете, выехал в Москву. Денег у меня было мало – мизерной зарплаты младшего научного сотрудника еле хватало на повседневные траты. Родители-пенсионеры тоже с трудом сводили «концы с концами». Но я не волновался – деньги были у Мурада Ахундова, изъявившего желание составить мне компанию. В Москве в эти дни проходил очередной Московский кинофестиваль и Мурад, с которым я тогда только познакомился и дружу всю жизнь, тоже мечтал посмотреть «8 с половиной» Феллини. (Бакинцы моего поколения неплохо знали кино: фильмы прошлых лет, в том числе так называемые «трофейные», мы смотрели по многу раз; о современных иностранных фильмах узнавали из польских и югославских киножурналов. Ну, а если что-то пробивалось в наш прокат, выстаивали длинные очереди, чтобы попасть на фильм в первый же день. Два фильма Феллини как-то привез в Баку лектор из Москвы, и, вместе с увиденными раньше шедеврами послевоенного неореализма, они сделали нас горячими поклонниками итальянского кино).

В 1963 году поезда из Баку прибывали на Казанский вокзал. Оставив в камере хранения свои сумки, мы вышли на площадь трех вокзалов и сразу же расстались: Мурад поехал добывать билеты на Феллини, а я пешком пошел поступать в аспирантуру. Тот факт, что ИАТ располагался в нескольких сотнях метров от вокзала, на который я приехал, показался мне очень хорошим признаком.

Офицер ГАИ выслушал меня и махнул жезлом, показав, как пройти на Каланчевку, где в те годы располагался ИАТ.

Поднявшись по стертым ступеням из мраморной крошки, я оказался в овальном холле со множеством окон. Первое, что бросилось в глаза, был транспарант, натянутый над пропускным пунктом с двумя охранниками, на котором вместо цитаты из очередного доклада Хрущева крупными буквами было написано: «ИАТ ничем не уступает Массачусетскому технологическому институту. Здесь работают великие ученые». Под этим текстом стояла подпись «Норберт Винер», и сердце мое забилось еще сильней. Я чтил этого человека, одного из создателей кибернетики, больше чем все революционеры мира модного тогда Че Гевару.

Охранник на просьбу разрешить пройти в отдел аспирантуры вручил мне помятый листок со служебными телефонами института.

У единственного телефонного аппарата столпилась очередь, и я вышел на улицу. Автомат, который я нашел неподалеку от величественного здания гостиницы «Ленинградская», тоже был занят. Мужчина средних лет, часто мигая, и прикрыв трубку ладонью, кого-то уговаривал. Он метался из стороны в сторону, как сторожевой пес, рвущийся с цепи, до предела натягивая ко-

Р. Ибрагимбеков

С Александром Абдуловым и Софи Лорен

роткий телефонный шнур. Повесив, наконец, трубку, он, не глядя на меня, сказал: «Двушку не бросай, работает бесплатно».

Еще в Баку я на всякий случай наменял кучу «двушек», но послушал совета и позвонил «на халяву». После третьей попытки ответил приятный женский голос. Привожу разговор дословно.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, я приехал из Баку. Мне очень нужно поговорить с Марком Ароновичем Айзерманом.

– Вы звоните в отдел аспирантуры. Марк Аронович здесь бывает очень редко.

– А как позвонить к нему в лабораторию?

– Он знает о вашем приезде?

– Нет.

– Вы знакомы?

– Нет.

– Он в отпуске со вчерашнего дня, – помолчав сообщила женщина.

– Что же делать? – этот вопрос я задал скорее себе.

– К сожалению, он вернется из отпуска в начале сентября.

– То есть почти через два месяца, – подсчитал я.

– Получается так…

«Почему она не вешает трубку?», подумал я и, чтобы продолжить разговор, задал еще один вопрос.

– А он в Москве или куда-то уехал?

– Не знаю.

– А вы не могли бы дать мне его домашний телефон?

Она рассмеялась.

– Вы или нахал, или очень наивный человек.

– Клянусь, я не нахал, просто у меня нет выхода. Второй раз я в Москву приехать не смогу.

– Понимаю.

И тут произошло невероятное: женщина продиктовала мне домашний телефон великого Айзермана. Прежде чем повесить трубку, она объяснила причину своего великодушия.

– Я тоже бакинка, – сказала она и прозвучало это как признание в принадлежности к тайному обществу, членами которого мы оба являлись, – перед войной я закончила шестую школу в Лебединском переулке.

Пожелав мне удачи, она повесила трубку, и я не успел сказать ей, что в шестой школе, примерно в те же годы, училась моя мама. И, быть может, они даже знали друг друга.

Мне нужно было прийти в себя после того, что произошло. Но я вздохнул, как перед прыжком в воду, и сразу же набрал номер Айзермана. Я редко играю в карты, но даже мне знакомо ощущение внутреннего подъема, когда к тебе идет нужная карта одна за другой. Айзерман сразу снял трубку, и я испытал похожее чувство – карта шла… Я точно знал, что Айзерман – не бакинец и поэтому заговорил с бешеной скоростью, чтобы сказать побольше пока он не даст отбой.

– Я приехал из Баку и хочу поступить к вам в аспирантуру. Я знаю, вы уезжаете, но я еще раз в Москву приехать не смогу. Не могли бы вы принять меня, чтобы я рассказал вам, чем хочу заниматься.

– Стоп, стоп, – прервал он меня, – кто вам дал мой телефон?

– Я не могу сказать, я дал слово, но я никому больше его не дам и сам забуду, клянусь вам.

– Это не обязательно, он есть в телефонном справочнике. Что касается вашего желания стать моим аспирантом, то это так не делается, – в голосе великого ученого не было ни капли раздражения, так разговаривают с ребенком, не понимающим элементарных вещей, – ко мне поступает очень одаренный ученый из Тбилиси и уже два года готовится к этому… А чем, собственно, вы хотите заниматься? Можете рассказать в двух словах?

– Оптимальным управлением колонной каталитического крекинга.

– Ну, вы совсем не по адресу, дружок, я нефтью не занимаюсь.

– Как не занимаетесь?! – возразил я, понимая, что терять мне нечего, – в журнале «Автоматика и телемеханика» за февраль тридцать седьмого года вы предложили рассматривать группу нефтяных скважин как единую систему с распределенными параметрами.

– Вы читали эту мою статью?

– Да.

– Где вы нашли этот номер журнала?

– В библиотеке нашего института в Баку.

– Интересный у вас институт. Этот номер был изъят из всех библиотек и уничтожен.

– Почему?

– Долгая история. Как вас зовут?

– Рустам.

– В тридцать седьмом году, дорогой Рустам, кибернетиков, как и генетиков преследовали за служение буржуазной антинауке… Ну ладно, раз уж вы умудрились прочитать статью, за которую тогда сажали, я дам вам телефон Михаила Владимировича Меерова, он заведует кафедрой автоматики в Губкинском нефтяном институте, и попрошу его поговорить с вами.

Я, конечно, слышал о Меерове и даже читал его работы, но в аспирантуре Губкинского института учиться не хотел, о чем прямо сказал Айзерману. И он вместо того, чтобы возмутиться от моей наглости, начал меня успокаивать.

Оказалось, что Мееров помимо Губкинского института работает и в ИАТе, имеет свою лабораторию. «Мееров, так Мееров», – подумал я, – «лишь бы прорваться в ИАТ».

Айзерман продиктовал мне номер телефона.

– Скажите ему, что вы от меня.

– И этого достаточно?

– Что вы имеете в виду?

– А вдруг он не поверит?

– Поверит. Звоните и договаривайтесь. До свидания.

Легкое раздражение, появившееся в голосе Айзермана в конце разговора, расстроило меня – я в полной мере ощутил свою провинциальную напористость и стало стыдно за то, как я говорил с этим замечательным ученым и человеком.

Меерову я позвонил вечером, перед просмотром фильма «8 с половиной»; он разговаривал со мной как с человеком, способности которого не вызывают сомнений и вполне достаточны для поступления в аспирантуру ИАТ. Видимо, Айзерман все же сказал ему обо мне. Но как бы то ни было, мое страстное на тот момент жизни желание осуществилось. И объяснить это можно лишь невероятным стечением обстоятельств: в день, когда я, направленный гаишником, пришел в ИАТ, заведующий аспирантурой Уткин (имя и отчество вылетело из памяти, хотя мы три года вполне дружелюбно общались) впервые за многие годы взял отгул и его заменила бакинка Лилия Сырникова.

И именно это определило дальнейший ход событий – сработала пресловутая еврейская солидарность: Сырникова по цепочке передала меня другому еврею, тот – третьему, и в результате никому из них не знакомый азербайджанец получил место в аспирантуре института, трудно доступного даже для евреев с выдающимися способностями.

Евреи и в дальнейшем активно участвовали в моей жизни, успешно конкурируя с представителями других национальностей, велением судьбы оказавшимися в списке моих доброжелателей…

Мурад отнесся к тому, что произошло в ИАТе, спокойно.

– Нормальные люди, – потягивая через соломинку коктейль «Маяк» с плавающим в ликерной смеси яичным желтком, он с удовольствием поглядывал по сторонам в баре второго этажа гостиницы «Москва», ощущая себя героем романов Ремарка, которым мы тогда зачитывались, – кого они найдут лучше тебя?

Чтобы не спорить с ним, я перевел разговор на понравившийся мне фильм Феллини. Впервые я увидел на экране не только действия героев, но и то, что происходило в их воображении: Феллини расширил возможности киноязыка до уровня литературы. Мурад со мной согласился, но его больше занимало то, что произошло днем после моего похода в ИАТ. На углу улицы Горького (Тверской) и проспекта Маркса (Охотного ряда) из подземного перехода навстречу нам вышла и прошла в полуметре Наталья Фатеева. Если бы вдруг вместо нее из-под земли забил мощный нефтяной фонтан, мы были бы поражены гораздо меньше – роль, сыгранная ею в только что вышедшем фильме «Три плюс два» потрясла бакинцев, как и остальную часть мужского населения страны. Понадобилось несколько секунд, чтобы я подавил в себе дрожащего от волнения кролика и бросился ее догонять.

Серо-голубые глаза небесной глубины смотрели на меня с удивлением, пока я нес какую-то ахинею, видимо, смешную, потому что она улыбалась. Не помню, что я тогда говорил, но наверняка не преминул щегольнуть своими познаниями в итальянском кино. В тот день я получил второй урок подлинной интеллигентности – знаменитая актриса разговаривала с незнакомым кавказцем, не проявляя никаких признаков столичного превосходства. Расхрабрившись, я попытался назначить ей свидание. И, конечно же, получил отказ. Но как это было сделано! Я отошел от нее с твердым убеждением, что наша встреча была бы ей очень приятна, но не состоялась из-за непреодолимых объективных обстоятельств.

Я напомнил Наташе об этом эпизоде спустя тридцать пять лет, когда она приехала в Баку на мой фестиваль «Восток-Запад».

– Так это был ты?! – глаза ее по-прежнему казались бездонными, и глядя в них, я поверил, что она и вправду помнит о нашем мимолетном знакомстве.

Потрясающая актриса.

На следующий день я привел Мурада в ресторан «Савой». Первый и последний раз я побывал в этом ресторане в четырнадцатилетнем возрасте.

Отец вез на преддипломную практику своих студентов, будущих географов. Мы прибыли в Москву поездом и после недельного пребывания в столице должны были продолжать путешествие пароходом по Волге и Каме, чтобы полюбоваться знаменитой Кунгурской ледяной пещерой. Москва была частью практики, и отец каждый вечер после обязательных экскурсий со студентами водил меня по ресторанам своей дореволюционной студенческой молодости. За неделю мы посетили «Националь», «Метрополь», «Прагу», конечно же, «Савой», с которым у отца были связаны особенно трогательные воспоминания. По возвращении в Баку в течение года из зарплаты отца вычитали 20%, чтобы покрыть перерасход, связанный с нашими ресторанными издержками.

– Должен же я был показать мальчику Москву, – оправды-

вался он перед мамой, как ни странно довольно спокойно принявшую неожиданный удар по нашему и без того скудному семейному бюджету.

– И не стыдно было таскаться по ресторанам в таком виде? – она имела в виду мятый папин белый парусиновый костюм, за лето ставший серым, и прюнелевые туфли, которые он каждое утро чистил зубным порошком.

«Савой» запомнился мне зеркалами в золоченых овальных рамах и бассейном посреди зала, из которого вылавливали рыбу по заказу посетителей.

Нам с Мурадом зажарили крупного карпа, а официант, очень похожий на президента США Никсона (я уловил это сходство в конце шестидесятых), принес графин холодного немецкого пива «Радебергер». Мурад легко преодолел мои попытки ограничить его расходы выбором недорогих блюд и вел себя не менее расточительно, чем мой отец десять лет назад. На следующий день мы поехали в Серебряный бор, чтобы купанием в реке привести в порядок слегка расстроившееся здоровье. И там на пляже «Татарово» (рекомендованного Фатеевой в нашем коротком разговоре) я увидел своего будущего мастера Сергея Аполлинариевича Герасимова. Он вышел из коричневой «Волги», быстро разделся, вручил одежду водителю, такому же лысому, как и он сам, резвой трусцой преодолел расстояние до воды, за несколько минут добрался до середины реки, вернулся, обтерся махровым полотенцем и уехал. Все вместе заняло минут пятнадцать. Конечно, я уже знал, кто такой этот крепкий загорелый бодрячок, но и предположить не мог, что через два года он станет моим мастером на Высших сценарных курсах, слушателем которых я оказался.

Необъяснимые признаки того, что Сергей Аполлинариевич Герасимов когда-нибудь войдет в мою жизнь, начали проявляться очень давно. В пятьдесят третьем году я в доме своего одноклассника увидел на стене фотографию красивой женщины. Она настолько не была похожа на членов семьи моего одноклассника, что я спросил у него: «Кто это такая?» Он удивился моему невежеству – оказалось, что это знаменитая киноактриса Тамара Макарова, жена не менее известного режиссера Сергея Герасимова. (Я вспомнил, что в четвертом классе нас водили на его фильм «Молодая гвардия»).

Фотография на кухонной стене одноклассника часто всплывала в моей памяти, когда через несколько лет я звонил Сергею Аполлинариевичу и трубку неизменно снимала Тамара Федоровна. Услышав мой голос, она звала его к телефону откуда-то из глубины их большой квартиры: «Сережа, Рустам». И один из самых могущественных лидеров советского кинематографа выполнял мои просьбы, обычно касающиеся друзей кинематографистов, притесняемых чиновниками Госкино СССР.

В год моего поступления в аспирантуру Максуд оканчивал Высшие сценарные курсы. С ним учились Илья Авербах, Юрий Клепиков, Эрлом Ахвледиани, Амиран Чичинадзе, Анар, Фридрих Горенштейн, не нуждающиеся в моих рекомендациях…

Написав за год несколько статей и опубликовав их в академических журналах и сборниках, я начал ходить на просмотры фильмов, которые нигде кроме этих курсов увидеть было невозможно. Правдами и неправдами я проникал в маленький просмотровый зал и довольно быстро ко мне привыкли и слушатели, и педагоги. Однажды, проторчав на курсах подряд две недели, я взял напрокат пишущую машинку и отстучал у себя в аспирантском общежитии сценарий под названием «В Баку дуют ветры». Это было второе по счету мое литературное произведение. На последнем курсе института я написал рассказ под названием «Хлеб без варенья» и послал его в модный тогда журнал «Юность». И получив ответ, в котором было написано, что обычно редакция авторам отвергнутых произведений не отвечает, но для меня сделано исключение, я забросил рассказ в ящик нашего общего с Максудом стола. Через несколько месяцев он на него наткнулся и отдал в газету «Молодежь Азербайджана», где его сразу же напечатали. Я объяснил тогда себе это приятельскими отношениями Максуда и заведующего отделом литературы и искусств Мансура Векилова.

Летом 65 года я написал еще

Девичья башня

Старый Баку

три рассказа и вместе с «Хлебом без варенья» и сценарием «В Баку дуют ветры» отдал в Комитет по кинематографии Азербайджана. Они отправили мое «дело» в Москву на творческий конкурс и меня допустили к экзаменам. В итоге из нескольких претендентов от Азербайджана на курсы были приняты я и поэтесса Алла Ахундова. После чего я был зачислен в мастерскую Сергея Герасимова (он вел ее вместе с киноведом Людмилой Ивановной Беловой).

Повторяю, есть что-то мистическое в том, что я оказался учеником Герасимова – мастерскую на Высших сценарных курсах в год моего поступления он набрал первый и последний раз. (Вместе с Макаровой он десятилетиями вел знаменитую актерско-режиссерскую мастерскую во ВГИКе, которую окончили Мордюкова, Тихонов, Бондарчук, Лиознова, Моргунов, Губенко, Садилова и десятки других талантливых актеров и режиссеров).

Неизвестно, как сложилась бы моя судьба в кино, если бы я учился у какого-то другого мастера. Герасимов был великим педагогом еще и потому, что следил за тем, как складывается профессиональная жизнь его учеников. И это помогло мне победить в сложной позиционной борьбе с многоступенчатой структурой государственной кинематографии – в результате мой абсолютно «не проходимый» дипломный сценарий получил экранное воплощение.

В сценарной коллегии киностудии «Азербайджанфильм» в те годы работал Юсиф Самед оглу. Анар, с которым я подружился в Москве, передал ему мою дипломную работу вместе с хвалебным отзывом Сергея Герасимова и устроил встречу у себя дома на улице Вагифа. Была жуткая жара, Юсиф тяжело дышал и часто вытирал красивое лицо влажным платком. Он похвалил сценарий, но честно предупредил, что вероятность его запуска в производство близка к нулю. Единственное, что в его силах, это убедить директора студии Народного артиста СССР Адиля Искендерова заключить со мной договор и выплатить аванс.
Полторы тысячи рублей были для меня огромными деньгами, и я посчитал это щедрым вознаграждением за удовольствие от занятий на курсах.

Довольный достигнутым на кинематографическом поприще результатом, я продолжил свою работу в институте кибернетики под руководством все того же Юниса Махмудова. Началась подготовка к защите диссертации.

Но написанный мною сценарий уже жил независимой от меня жизнью. Его передавали из рук в руки, и через какое-то время Вагиф Самедоглу дал его почитать Кара Караеву. Тот передал мое сочинение театроведу Джафару Джафарову, которого через месяц назначили секретарем ЦК компартии Азербайджана по идеологии. Меня и сейчас не покидает ощущение, что самый крупный театровед Азербайджана за всю историю национального театра оказался на высокой партийной должности именно для того, чтобы вмешаться в мою судьбу. Он высказал несколько соображений, которые я учел, и сценарий был отправлен на утверждение в Госкино СССР. Тут опять сработало имя Герасимова. Помурыжив меня год, редактура Госкомитета, заменила название сценария (вместо «В этом южном городе» он стал называться «В одном южном городе») и запустила его в производство. Так, организованная судьбой цепочка русско-азербайджанских доброжелателей – Сергей Герасимов, Анар, Вагиф и Юсиф Самедоглу, Кара Караев, Джафар Джафаров, а позднее Константин Щербаков – положила начало моей профессиональной кинематографической деятельности, вытеснившей многолетнее увлечение наукой…

Это все, что я могу опубликовать из написанного к сегодняшнему дню – жизнь все еще настолько увлекательна, что по-прежнему жаль тратить время на ее описание. Оказалось, что восьмидесятилетие не страшно, если нравишься не только себе.

Жанри Лолашвили

СНЫ НАЯВУ, ИЛИ ЧИСТАЯ ПРАВДА ЖАНРИ ЛОЛАШВИЛИ

Нина ШАДУРИ

Отправляясь на интервью к Народному артисту Грузии Жанри Лолашвили, я попросила сказать о нем несколько слов Автандила Варсимашвили, который творчески сотрудничал с ним в свою бытность режиссером Театра им. Руставели. «Един в трех лицах, – немедленно ответил Автандил Эдуардович. – Прекрасный художник, человек, актер. И в первую очередь он все-таки художник».

Я полагала, что об этих «составляющих» мы и поговорим. Но разговор сложился иначе. Жанри Георгиевичу оказалось интереснее вспоминать о прошлом, нежели сетовать на настоящее или загадывать о будущем. А прошлое порой и в самом деле бывает живее существующей реальности...

– Лично я не заинтересован в интервью. Вообще, если хочешь уничтожить человека, нужно каждый день что-то о нем писать и показывать его по телевидению.

– Но однажды вы сказали, что никому никогда не отказывали в интервью.

– Да, это так. Почти никогда не отказывал.

– Почему?

– Потому что я уважаю чужой труд. Говорить о себе, конечно, тяжко. Это не очень хорошее занятие, честно говоря.

– Тогда давайте начнем с того, с чего начинается каждый из нас – с родителей.

– Этим все сказано. Они – родители. Это – любовь. Что еще можно сказать?

– Вы говорили, что хотели бы быть похожим на своего отца. В чем?

– В честности. В стремлении к познанию. Отец все время

смотрел на мир широко открытыми глазами. Огромной ценностью для него было общение. И не обязательно прочесть Экзюпери, чтобы понять – это самая большая роскошь на свете. Самый ценный подарок – время. Мы с вами сейчас друг другу даруем наше время. Его и так дано мало, но мы дарим друг другу. Важно, что не транжирим, а – дарим. Это и называется отношениями, и их надо ценить. Для чего живет человек? Я бы ответил: для отношений.

– Ваш отец понимал в этом толк, да?

– Он был очень хороший человек. Когда выходил на улицу, то даже перед мальчишками во дворе снимал шляпу. Он всегда здоровался первым – и с ребенком, и со взрослым. И обязательно старался перемолвиться хоть несколькими словами. Его это очень интересовало. А знаете, почему я стал художником? Потому что отец для меня, шестилетнего, как-то нарисовал индюка. Это был потрясающий индюк, невероятный! Рисунок произвел на меня огромное впечатление. Я много потом нарисовал индюков, самых разных. Это помогало мне вернуться к отцу. Это – память. Но иногда вспоминать больно… Как-то раз он мне сказал – давай мы с тобой выпьем по бокалу вина. А я ответил – нет, меня ребята ждут. И ушел. И вернулся пьяный. Меня это мучит до сих пор. Стыдно до слез. Как я мог отказать отцу! Простить себе не могу…

– Столько лет прошло, а не забывается…

– И хорошо, что не забывается. Значит, совесть есть. Сегодня, когда я думаю о моих родителях, со мной происходит что-то страшное... Я их очень любил. Они были чистейшими людьми… Хорошими. Мы не понимаем до конца, какое это высокое понятие – хорошие люди.

– Вы много читали?

– Очень много. А в школе учился плохо. Пропускал, потом наверстывал и экзамены сдавал нормально. Но мои мысли были направлены совсем в другую сторону, не на школу. Понимаете, каждый понедельник я удирал с уроков.

– Почему именно в понедельник?

– С понедельника в кинотеатрах начинался показ новых фильмов. Выбраться из школы было невозможно. У входных дверей стояла охрана. Потолки пятиметровые, в окно не прыгнешь. Но за окном стояла береза. А за ней – дом, где жила моя одноклассница. Я по ветвям березы перелезал из окна школы на противоположный балкон, проходил мимо комнаты, в которой, между прочим, жил Женя Примаков, выходил на Ленинградскую улицу и шел в кинотеатр «Аполло» на проспекте Плеханова. Когда я, посмотрев первый утренний сеанс, выходил из кино, ребята с «биржи» на Плехановском ждали меня, чтобы спросить мое мнение. «Ну, о чем картина?» – «О том, как коррупция погубила Испанию». – «О! Надо посмотреть». Речь шла о фильме «Главная улица» Бардема. Я просто не мог не посмотреть новую картину самым первым. И знал: ребята ждут, что я скажу.

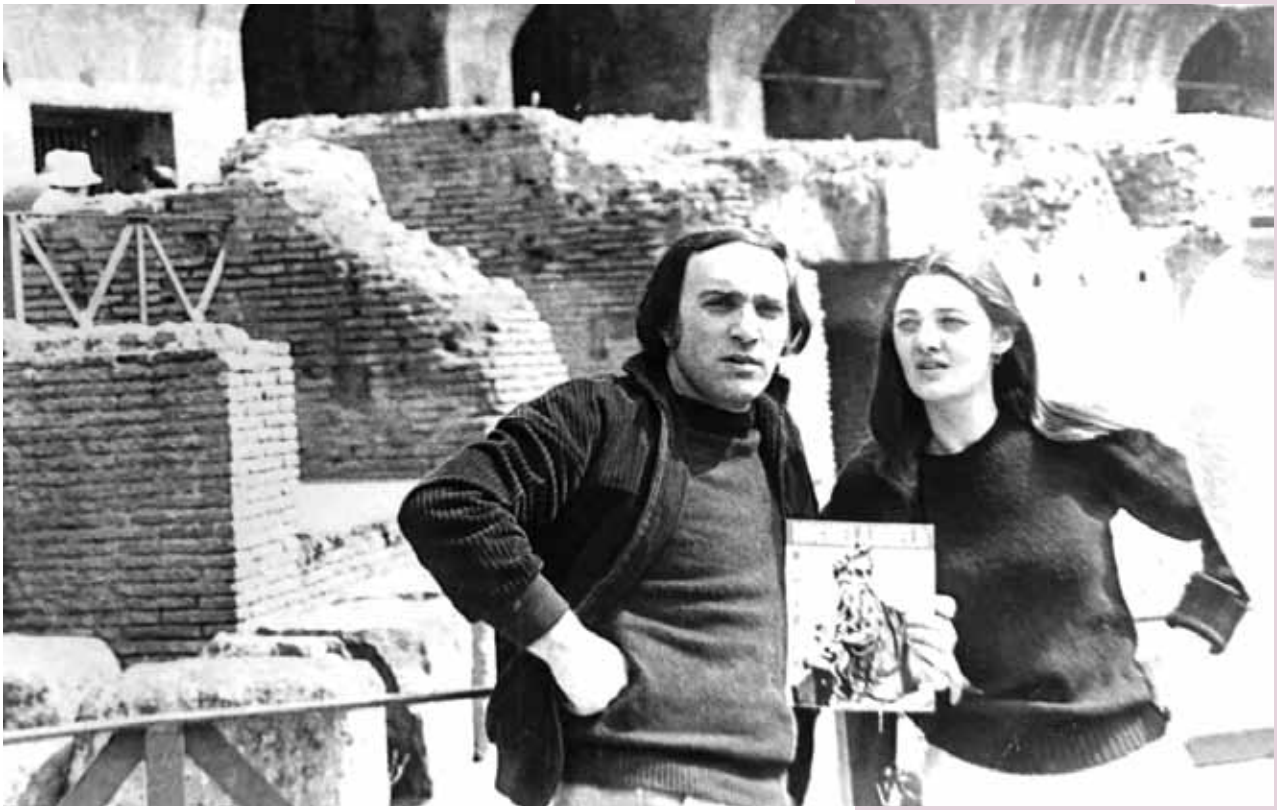
– Какие картины вас потрясли?

– Например, фильм японского режиссера Канэто Синдо «Голый остров». В картине не звучит ни одного слова. Только в финале – стон. Я был потрясен… После кино я обычно шел прогуляться по городу. Помню длинный ряд крохотных мастерских в районе площади Воронцова – «Плиссе», «Гофре», «Мережка», «Шлапа» (именно так и было написано)… Я шел полюбоваться женщинами, которые приходили в эти мастерские. Я не мог отвести глаз. Как они были элегантны, как одевались! Наряды из креп-жоржета, крепсатина, коверкота, габардина… А липы на плечах? А шляпки? Эх…

– Тогда, в детстве, вы много рисовали?

– Не очень. Я все время читал. Читал запрещенного Григола Робакидзе, запрещенный журнал «H2SO4», где были потрясающие стихи – Хлебникова, Симона Чиковани, Северянина… Даже на уроках читал – на

В юности



С супругой Татули Долидзе

парте лежал учебник, а в парте – книга. Шло огромное познание – всего, все время! А какие потрясающе интересные люди были вокруг! Помню, рядом с нами жила Софья Борисовна Вульфович, дантистка. Весь наш двор у нее бесплатно лечил зубы. Я заходил к ней, чтобы посмотреть на грамоту, висевшую на стене. Там было написано «Божьей милостью, мы, Николай Второй…». И прочее, и прочее – награждался какой-то Катенин за сражение при Ахалцихе. Прошли годы. Она постарела, и бормашина у нее была старая, и кошками пахло в квартире. И никто к ней уже не ходил. Надо отметить, что Софья Борисовна на праздники вывешивала из окна флаг Грузии. И не снимала. Приходил уполномоченный милиции, кутаисец Шота и ругался: «Что это ваша Софья Борисовна флаг не снимает? Висит и висит, троллейбусам мешает». Заходил к ней. Она его встречала чаем, какао, галетами, цукатами. Они пили чай и беседовали. Шота уходил, а вскоре она снова вывешивала флаг. И ждала, когда придет Шота… И снова так происходило, и опять. Потом она умерла. Когда мы зашли в ее комнату, то увидели, что на каждом предмете написано имя того соседа, кому она его завещает. На грамоте, которой я любовался, была записка – «Жанрику»… Настал день похорон. Играл оркестрик. Маленькая процессия вышла со двора… И вдруг раздался крик милиционера Шота: «Стойте! Стойте!» Мы остановились. А он поднялся в квартиру Софьи Борисовны, сорвал пломбу, вошел и вывесил в окно флаг Грузии. И похоронная процессия прошла под флагом.

– Да это история для кино!

– У меня много историй… После школы пошел работать на киностудию «Грузия-фильм», а потом поступил на Высшие курсы во ВГИК. Гениальный Юра Норштейн – мой друг и однокурсник. Кстати, на курсах мы проходили актерское мастерство, и мой педагог Анатолий Стабилини просто настаивал, чтобы я стал артистом... Сколько у меня историй из того времени!

– Можно хотя бы одну?

– Можно. Только без фамилий. В Москве, на Каляевской, рядом с домом, где я снимал комнату, находилась диетическая столовая. Закрытая. А я устал ходить куда-то далеко, чтоб поесть, и решил попасть в эту столовую. Познакомился с администратором Фаиной, объяснил ситуацию. Договорились. Я ей приносил томаты, аджику, ткемали, которые мне присылали. Как-то раз один из генералов, большой любитель подливок и приправ, спросил у Фаины: «Откуда у тебя такое?» – «Да вот, приносит один студент». Мы с генералом познакомились и, можно сказать, подружились. Он меня называл «сыночек», а иногда – «Жанри Георгиевич». Познакомил меня со своей семьей, мы ездили в Белые Столбы, где находится Госфильмофонд, и смотрели кино. А еще бывали в Алабино. Сейчас там стоит президентский кавалерийский полк, а в 60-е годы в этом подмосковном местечке располагался прославленный конный полк «Мосфильма», находились конюшни, куда зарубежные спе-

циалисты приезжали выбирать и покупать лошадей. Генералы частенько ездили в Алабино – пили чешское пиво, ели креветки и смотрели на лошадей. Както раз дает мне генерал родословную одной лошади и говорит – просмотри и придумай ей имя, у тебя есть воображение, справишься. Я зажегся. Прочел документы, где подробно описывались привычки и качества родителей и самого жеребца. Он был спокойный, задумчивый… Под номером 22, как сейчас помню. Придумал имя, написал, положил листок в конверт, заклеил и отдал генералу. Приезжаем в Алабино. Генерал сдал конверт. Сидим, смотрим, ждем, когда объявят победителя смотра. И тут объявляют: «Первое место – номер 22, жеребец Сосредоточенный». Генерал долго не мог успокоиться, настолько ему понравилось имя… Прошло 25 лет. Я снимаюсь в роли Наполеона в фильме «Багратион». Съемки проходят в Алабино. Живу в люксе. В гостинице работает пожилая администратор Маша. Спрашиваю: «Вы давно здесь работаете?» – «Всю жизнь». – «Много лет назад я здесь бывал. Тут проходили смотры-продажи лошадей. Такого-то генерала знали?» – «Михаила Григорьевича? Конечно. Когда он сюда приезжал, то жил в том номере, в котором сейчас живете вы». Я потерял дар речи… И почувствовал, что хочу разрыдаться... Таких историй, когда прошлое перекликается с настоящим, в моей жизни случалось очень много. Эти истории, то грустные, то забавные, помогают жить правильно. Красиво жить… Помню, в Зугдиди собирались закрыть драматический театр – точнее, он должен был перестать быть государственным. Чтобы этого не произошло, мы, несколько молодых актеров, поехали поддержать Зугдидский театр и остались там работать. Я, Темур Чхеидзе… Однажды я пригласил в Зугдиди Акакия Хорава и Медею Чахава. Хорава был гениальный, но, в хорошем

смысле слова, старомодный актер. Пафосный, с гениальным голосом и потрясающим телосложением. Хорава и Чахава сидят на скамейке перед домом и разговаривают по-мегрельски. А это, как вы знаете, очень своеобразная речь. Я слушал-слушал, потом подошел и сказал: «Акакий Алексеевич, что же это я сейчас слушал?» – «А что такое?» – «Да это же были инвенции и фуги Баха». «Молодец! Расскажи всем!» – закричал Хорава. А вот схожая история. Я обожал Отара Мегвинетухуцеси, мы дружили. Как-то в Доме книги в Питере я купил несколько книг, в том числе – «Историю государства Российского» Карамзина в красивом кожаном переплете. Недешево стоило, но я взял. Показал Отару. Он пришел в восторг. А у него, знаете, бывали такие моменты, когда он восторгался. Лично для меня восторгаться другими – это самое большое человеческое дарование. Отар умел это делать… И я подарил эту книгу Отару на его день рождения. Он был потрясен... Потом мы сидели, беседовали, и я говорю: «Знаешь, что сказал Сартр?» – «Что?» – «Сартр сказал, что Джоконду надо сжечь». – «Зачем?» – «Потому что Джоконда – это точка отчета. А в искусстве не должно быть точки отсчета. Не догадываешься, почему я об этом тебе говорю? Тебя тоже надо сжечь!» – «Молодец! Расскажи всем!» – воскликнул Отар.

– Вы по сей день продолжаете рисовать. У вас есть учителя в живописи?

– Нет, никого. Я сам себе ху-

Жанри Лолашвили с внучкой Софо

дожник, режиссер, сценограф и драматург.

– Картины, которые я вижу в вашем доме, вам особенно дороги?

– Есть картины, которые мы с Татули очень любим (супруга, актриса Татули Долидзе). Вот, посмотрите, это дерево увидела Татули и заставила меня его нарисовать. И получился символ. У нее потрясающий вкус. Вообще она гениальный человек.

– Как рождаются ваши картины?

– Не знаю. Наверное, по подсказке сверху. У моих картин нет названий, и я никогда не знаю, что сейчас напишу. Я делаю общую «мазню», вижу в ней будущую картину и пишу. Обязательно за один сеанс. Не люблю реализм. Всегда увожу свои работы от настоящего к иллюзорному. Знаете, когда я выхожу на улицу после спектакля, то есть после окончания иллюзорной жизни, и начинается гиперреализм, это действует на меня просто убийственно. Мы живем иллюзиями, и только.

– Значит, вторая реальность – театр, кино, живопись – более настоящая, чем реальная жизнь?

– Конечно. Мне очень трудно возвращаться к реальности. Потом это чувство, конечно, проходит. А куда деваться? В конце концов привыкаешь ко всему… Как-то я сидел вот здесь, в этом кресле, и умер.

– В каком смысле?

– В прямом.

– ?!

– По-настоящему умер. Врачи запустили сердце третьим ударом электрошока. Повезло… Но скажу вам честно – там было очень хорошо. Мне не хотелось возвращаться.

– Зато теперь умирать не страшно, раз точно знаешь, что там – прекрасно.

– Да ну, умереть – это раз плюнуть, это уже очень легко… Понятие «суета сует» во мне появилось уже давно. Вопросов много, но я думаю – а зачем это? Невозможно все знать. И не надо. Достаточно прочитать две-три книги. Этого хватит.

– На всю жизнь?

– Конечно.

– Первая книга – это Библия, видимо. А еще?

– У меня на этот счет свое мнение. Библия списана с Книги мертвых, которую древние египтяне писали на стенах гробниц. Библия создана для того, чтобы завоевать, подчинить людей, владеть ими. В евангелии от Иуды, которое спрятано в Ватикане от всех глаз, сказано, что распятие было спектаклем, а сам Иуда никого не предавал. Все это было придумано, чтобы кого-то возвысить, а потом доминировать над людьми. Я смотрел документальный фильм «Дух времени» – «Zeitgeist», там рассказывается о том, что у богов разных религий повторяются атрибуты: каждый родился от непорочной девы 25 декабря, в 30 лет начал проповедовать, имел 12 учеников, путешествовал и совершал чудеса, был убит, похоронен, а затем воскрес. Это и Гор, и Атисс, и Кришна… Во многом можно усомниться.

– Не могу понять, вы верующий человек?

– Я верю в бога Шота Руставели: «რომელმან შექმნა სამყაროჲ» – «Он, что создал свод небесный» (в переводе Бальмонта)… В один прекрасный день я увидел, что перед моими окнами растет гениальное дерево. А ведь я долго не обращал на него внимания, смотрел сквозь дерево. А потом настал момент, и я его увидел. Вышел из дома и долго на него смотрел. Это было… Как сказать…

– Прозрение?

– Да, прозрение. Озарение. Такие истории со мной происходят. Абсурдные истории. Но, с другой стороны, почему абсурдные? Наоборот! Тертуллиан сказал: «Верую, ибо абсурдно». Может, все, что я вам рассказал, я это увидел во сне? Но это было наяву. Может, я все выдумал? Не без этого, конечно (улыбается). Но это чистая правда.

Поет Светлана Татоева

ГОЛОС – ИНСТРУМЕНТ ДУШИ

Мария КИРАКОСОВА

Светлана Татоева за последние годы обрела известность у тбилисской публики как руководитель хора им. Макара Екмаляна. Это знаменитый армянский композитор, выпускник Петербургской консерватории по классу Н.А. Римского-Корсакова, выдающийся собиратель и исследователь древнеармянских духовных песнопений. После окончания консерватории, по предложению А. Рубинштейна, Екмалян был направлен на работу в Тифлисское музыкальное училище, руководимое Ипполитовым-Ивановым. Одновременно стал преподавать в Нерсесяновской школе. В разное время его учениками были Комитас и Армен Тигранян. Лучшее сочинение Екмаляна – лирико-эпическая литургия «Патараг», наряду с литургиями Комитаса, стала основой службы в Тбилисской кафедральной церкви Сурб Геворк под руководством регента Светланы Татоевой.

Непростым было приобщение Светланы после полученной в Тбилисской консерватории специальности оперной и камерной певицы к профессии церковного хормейстера. Здесь требовалась новая серьезная квалификация, и Татоева, уже популярная певица, ее достигла.

В 107-й средней школе, где училась Светлана, уделялось достаточно серьезное внимание музыке; кроме обязательных уроков пения серьезно изучали сольфеджио, и Светлана по сей день с благодарностью вспоминает свою учительницу Ламару Артемовну Чилингарян, которая решила отвести ее в первое музыкальное училище и познакомить с педагогом по вокалу Ламарой Галактионовной Гогличидзе. Та сразу оценила способности девочки, но, из-за загруженности, не смогла принять ее в свой класс. В это время произошла еще одна знаковая встреча. В музыкальной студии при школе Света стала заниматься по фортепиано у Галины Федоровны Бегиашвили-Мамай: она работала также концертмейстером в армянской церкви. Благодаря ей состоялось приобщение Светланы к таинству органа. А когда девочке исполнилось 16 лет, именно Галина Федоровна привела ее в армянскую церковь и отрекомендовала как ценную певицу для хора.

Приведу оценку, которую впоследствии, уже став профессором консерватории, дала Л. Гогличидзе своей ученице почти через 25 лет после получения диплома. «Певица с большой буквы. Прекрасные физические данные, замечательный «инструмент» в горле. Всегда была музыкальна, с великолепной артистической интуицией. Никогда не грешила против вкуса. Могла бы выступать на подмостках любой сцены мира. Пронеся через жизнь такие качества, как доброту и удивительную отзывчивость, она сумела также сохранить голос в наилучшей форме». Эти слова взяты из любительского фильма к юбилею певицы, который прошел в Тбилисской лютеранской церкви.

Первые сценические выступления связаны с оперной студией консерватории, где Света изначально числилась хористкой. Ее профессиональные данные сполна проявились при первом знакомстве с нотным материалом. Концертмейстер кафедры оперной подготовки Алла Чочиева сразу распознала в новой студентке интеллект, быстрое усвоение сценических задач, умение чувствовать стиль и проникать в эпоху. Разучивание партии Виолетты запомнилось сценическим обаянием и умением выстраивать ансамбль, тактичностью в общении с партнерами (Бадри Майсурадзе, Ладо Атанелишвили, Нугзар Гамгебели, Анзор Агладзе), тонким ощущением взмаха дирижерской палочки (любимым дирижером Светланы стал Гиви Азмаипарашвили). «О том, как она осилила партию Виолетты, одну из труднейших в мировом репертуаре, можно говорить только в превосходной степени, – констатирует А. Чочи-

Сцена бала из оперы «Евгений Онегин»

ева, – подобная Виолетта могла стать украшением оперной сцены любой страны». Сожаление, что это не произошло, высказывали многие выступающие на юбилейном вечере.

О студийном прошлом юбиляра вспоминал дирижер Вадим Шубладзе. Он говорил о неограниченных сценических возможностях певицы: сочетаясь с эффектной внешностью, они всегда волновали публику. Впечатление от создаваемых образов обогащалось игрой мимики и жеста (последующей оперной ролью стала Татьяна). Звучанию голоса, его легкому, воздушному тембру подвластны все регистры. В. Шубладзе также обратил внимание на вдумчивый интерес к изучению оперной и камерной литературы, способствующий глубокому проникновению в задачу построения репертуара.

Однако ход событий опроверг все предположения и пожелания. Характеризуя наличие предпосылок для достижения цели, профессор Нана Димитриади констатирует, что ярких способностей порой бывает недостаточно для решения судьбы артистки, и «карьера не сложилась». В оперной студии начался ремонт, и она надолго закрылась. Светлана попыталась пройти в оперный театр по конкурсу, но, невзирая на аплодисменты труппы во время испытания, распорядители конкурса остались равнодушны к новому претенденту на официальный штат. Однако Света не стала предаваться унынию, «складывать оружие». К этому времени она уже имела работу на кафедре концертмейстерского мастерства, где так пригодились приобретенные в студенчестве опыт и знания. Увлекательным оказалось общение с талантливыми студентами, выбор для них репертуара, подготовка к открытым концертам. Нравилось быть иллюстратором во время таких концертов, особенно в периоды выпускных экзаменов, а, главное, все время быть в певческой форме. С большим вниманием отнеслись коллеги по кафедре к новому сотруднику. Ее руководитель Ирина Сабашвили пробудила в молодой певице интерес к редко исполняемым произведениям – как для сольных, так и камерно-ансамблевых выступлений. Она сама стала подыскивать партнеров, приучая к мысли о постоянном расширении репертуара. Так возник союз с Лейлой Гоциридзе (меццо-сопрано), издавна полюбившейся меломанам необычным решением роли гувернантки в «Пиковой даме». Дуэты Лизы и Полины из этой оперы надолго задержались в репертуаре певиц. По инициативе И. Сабашвили сложился исполнительский дуэт с солистом оперы Тамазом Сагинадзе. Он ярко проявил себя в сцене обольщения в опере Массне «Манон». Затем Тамаз предложил вынести на публику увертюру-фантазию «Ромео и Джульетты» П. Чайковского. После смерти композитора С.И. Танеев закончил сцену «прощального свидания» и издал ее как дуэт Ромео и Джульетты. В этом дуэте потрясает эмоциональная глубина сопрано и тенора, сливающихся в сцене рокового свидания. Дебют удивлял чуткостью взаимопроникновения, стремлением дать партнеру возможность показать себя с лучшей стороны.

По новому прозвучал также дуэт Микаэлы – Татоевой и Хозе – Гии Габелая из «Кармен» Бизе. Образ Кармен написан ярко и броско; равных ей по сюжету не может быть. В приведенном исполнении Микаэла не уступала сопернице. Она побеждала нежным лиризмом, преданностью любви, готовностью к всепрощению. Неброский отрывок из партитуры благодаря блистательному артистизму исполнителей превратился в мини спектакль.

Еще один партнер – Заал Хелая, также солист Тбилисской оперы. Он любит выступать со Светой, ценя не только ее редкую музыкальность, сценическую пластичность и «светящийся» тембр голоса, но также замечательные человеческие качества. На концертах они представляли сложнейшие дуэты из итальянских опер – Недды и Сильвио из «Паяцы», Леоноры и графа ди Луна из «Трубадура». Последний ансамбль Светы с партнером, который довелось услышать – дуэт Данилы и Ганны из оперетты Легара «Веселая вдова», выбор которого показался не совсем удачным на общем фоне репертуара. С певицей выступил ее бывший ученик, впоследствии студент и магистрант Ереванской консерватории Рубен Восканян.

Как солистка Светлана принимала участие во многих вечерах, часто будучи их инициато-

ром. Она почти всегда отзывалась на приглашения к участию в различных тематических концертах. Это были вечера музыки известных в старом Тифлисе армянских композиторов.

Вспоминается задуманный и проведенный мною концерт памяти выдающихся организаторов художественной жизни Тифлиса второй половины XIX века братьев Питоевых – Исая, который на свои средства построил театр Руставели, дружил с Чайковским, Ант. Рубинштейном, и Ивана, в тяжелейших условиях возглавившего частную антрепризу после пожара, уничтожившего Тамамшевский театр на Ереванской площади. Главная тяжесть организации этого вечера легла на плечи Татоевой, взявшей на себя исполнение любимой музыки героев вечера. На первом месте оказались произведения Чайковского, и, конечно, арии из «Онегина», который, благодаря просветительским усилиям Ивана Питоева, стал любимым спектаклем тифлисской публики. Громадный успех имело исполнение Татоевой сцены письма Татьяны, вызвавшее ностальгические ассоциации. Пленительность образа Татьяны вписывается в круг утвердившегося в интерпретации Светланы мира грез. В нем сосуществуют персонажи, подобные Джульетте из вальса Гуно или упоминавшегося дуэта Чайковского; Адриенне Лекуврер из оперы Чилеа, отчасти Ануш Тиграняна, лица, обреченные на гибель, от соприкосновения с реальностью. Однако этот мир лишь одна из эмоциональных граней в спектре вокального мастерства Светланы. Так, в камерной музыке Чайковского слушателям раскрывается и экстатический восторг перед всевышней благодатью, и упоение радостью («День ли царит», «Погоди!»). Тягу к музыкальному театру, которую до конца не удалось осуществить, Светлана отчасти компенсировала недолгой работой в армянском драматическом театре им. Петроса Адамяна. Его коллектив с радостью принял новую актрису. «Дорого слышать одно упоминание имени Светланы. Небольшие роли, в которых мне посчастливилось работать с ней, превращались в праздник красоты, элегантности, торжества обаяния», – высказывался режиссер Слава Степанян, позднее возглавивший армянский театр в Москве. С этой оценкой перекликаются сохранившиеся слова замечательного постановщика и театрального художника Михаила Григоряна: «Когда она появлялась на сцене, начинался праздник, праздник прекрасной женщины».

На творческом вечере С. Татоевой

В спектакле «Аладин», который ставил Левон Узунян, группа поющих артистов изначально никак не могла взять нужную планку. Вмешательство Светы вызвало мнение, что она может пробудить в человеке «даже самый незначительный потенциал, о котором он и не подозревает» (Л. Узунян). Скажем также о том, что заслуженная артистка Грузии Меланья Барсегян восприняла выступление Светланы в спектакле «Хатабала» как «пение ангелов».

Работа Татоевой в церковной капелле долгое время оставалась нерегулярной. Но однажды участие в литургии вдруг выявило дилетантские навыки, несовместимые с музыкой Екмаляна. Именно тогда Светлана поняла необходимость их устранения, чему во многом способствовало ее назначение на должность регента. Работа над совершенствованием церковного пения, поощряемая отзывами знатоков, прежде всего тонкого ценители музыки Комитаса и Екмаляна и обладателя прекрасного голоса Его преосвященства Вазгена Мирзаханяна, настолько продвинула профессионализм певчих, что вскоре планка хора поднялась до четырехголосия. Это дало повод писателю и переводчику Гиви Шахназару, глубоко постигшему особенности духовных песнопений, к суждению о новой интерпретации армянской литургии, возродившей старинные традиции. Капелла церкви Сурб Геворк выявила благодатную почву для работы с молодежью. Здесь был сформирован юношеский квартет (Миша Назарян, Сергей Назаров, Рачик Асатуров, Ника Казарян) и дуэт девушек (Ани Торосян, Анна Кушнян). От светской музыки – армянской, грузинской, русской, итальянской, их репертуар тянется к многообразным духовным песнопениям, включая католические.

Капелла церкви Сурб Геворк принимала участие в ежегодно проводимом в Ереване фестивале музыки Комитаса.

За самоотверженную деятельность в капелле им. Екмаляна Светлана Татоева награждена медалью им. Комитаса.

Наталья Андроникашвили

ОТКРЫВАЯ ГРУЗИЮ

Юлия ТУЖИЛКИНА

Открытия бывают разными. Масштабными и не очень. Мирового уровня и личного плана. Они заставляют чаще биться сердца и испытывать сладостное предвкушение. И почти всегда мы благодарны тем, кто помог нам совершить это открытие. Вот уже несколько лет в Тбилиси работают курсы обучения гидов. Их организатор Наталья Андроникашвили, человек, который умеет вдохновлять, удивлять, любить людей и свою страну.

Наталья по образованию филолог и журналист, многие годы работала по профессии, а в нелегкие 90-е годы сменила множество сфер: от работы в дизайн-студии до преподавания в школе, спектр ее деятельности довольно широк. Но где бы она ни работала, гостей сама возила по Грузии, показывая и рассказывая о стране. Благо, что уже к тому времени многое знала.

Наталья Андроникашвили: Мой отец был архитектором, он сумел мне привить любовь к фортификационным сооружениям, к храмам... К тому же в юности я успела поездить и походить по Грузии с отчимом, он интересовался скалолазанием, увлекался туризмом, знал очень многих горцев. То есть еще в 70-х годах XX в. многое увидела в Грузии и познакомилась с интересными людьми, в итоге влюбилась в это дело.

Уже десять лет Наталья занимается туризмом, она сертифицированный винный гид. Умеет собирать единомышленников, людей, увлеченных какой-то идеей. Пять лет назад у нее родилась идея создания курсов для гидов.

Наталья: Не все приходят в эту профессию искусствоведами или архитекторами. А ведь туристов встречаем умных, толковых, заинтересованных, которые говорят на четком техническом языке, используют специальную терминологию. И, бывает, гид «плавает». Дело в том, что в эту профессию часто приходят филологи, преподаватели, гуманитарии. Но нет у них знаний по вину, по архитектуре, по тем же фрескам, плохо разбираются с церковной тематикой.

Наталья каждый год посещает тематические курсы, постоянно занимается самообразованием. Профессия не дает стоять на месте. Именно это и доносит до тех, кто делает первые шаги в туризме.

Наталья: Ни одни курсы не способны выпустить готового специалиста, каждый курс дает определенное направление. Он дает возможность слушателю определиться: вы попали в вашу профессию или нет. Это профессия, которая требует постоянного саморазвития. Вы приходите с каким-то багажом и все равно постоянно должны учиться, если хотите состояться как профессионал, а не просто временно сделать деньги и унести ноги в другую область.

Со временем стало появляться все больше новичков, как правило, людей, уже состоявшихся в другой профессии.

Сразу после школы сюда не принимают, у человека должно быть какое-то образование и опыт. Так со временем Наталья поняла еще одно предназначение данных курсов.

Наталья: У нас знакомятся люди, многие потом продолжают дружить. Когда вы новичок в стране, у вас есть дефицит знакомств, важных и нужных связей, а тут вдруг кто-то оказался педиатром, косметологом или швеей. Девочки помогают друг другу. Например, находят работу и поочередно сидят с детьми.

Завязались какие-то связи. И пошла ресоциализация этих людей очень легко, хотя задумка была немного иная – дать новичкам возможность заработать, чем-то себя занять. Получилось так, что на русскоязычных курсах половина – это не местные, а именно люди, которые переехали сюда жить. И я могу похвастаться: что процент тех, кто работает гидами, у нас очень высок.

Есть на этих курсах и бонусная система. Каждый год здесь бесплатно обучают нескольких учеников.

Преподавательский состав просто исключительный. При подборе лекторов главный принцип – влюбленность в профессию, азарт и блеск в глазах. Все преподаватели – не только действующие гиды, но и историки, археологи, учителя. Люди, которые с высшей степенью ответственности относятся к своему труду.

*Один из лекторов на курсах – **Давид Насаридзе** – первый этногид в Грузии и известный тамада. Одежда старых времен и разных слоев населения, оружие, аксессуары... Это не просто его работа, это образ жизни. Обращаясь к слушателям, он подчеркивает: **«Грузинское застолье – это психотерапия. Не надо спаивать туристов, нужно преподносить им вино».** Такое трепетное отношение к вину, уважительное, почти возвышенное – к гостю – это часть грузинской культуры, немаловажный факт для начинающих гидов.*

Загородная экскурсия

Слушатели курсов 2019

*Почти в каждой лекции есть легенды и сказания, в которых сквозит любовь к стране и гордость за свой народ. **Русудан Джапаридзе**, историк, член Ассоциации гидов Грузии, начиная свой курс лекций, отметила: «Грузины рождены лидерами. И всегда были отважными воинами... А религия для нас – терзание тела и спасение души...»*

*Наряду с информационным материалом преподаватели преподносят и профессиональную этику. **Георгий Месхи**, историк-востоковед, культуролог, германист, описывая маршруты и потаенные уголки страны, отмечает: **«Вырабатывайте внутреннюю честность – сначала сами побывайте в каких-то местах, и только потом ведите туда туристов».***

Курсы проводятся один раз в год, в осенне-зимний период. Программа довольно насыщенна и предполагает девяносто часов лекций и практики. Это

На экскурсии с Галактионом Георгадзе

полтора-два месяца. Основные предметы: история, география, введение в профессию. А также затрагиваются вопросы археологии, виноделия и первой медицинской помощи. Изучаются региональные маршруты, пилигрим-туры, этнотуры. Для практических занятий группа с преподавателями выезжают на экскурсии по определенным маршрутам. По истечении обучения каждый сдает экзамен по истории Грузии и зачет – самостоятельно проводит часть экскурсии по Тбилиси. Также дополнительно проходят семинары для действующих гидов по специфическим направлениям: фрески, каноническая иконопись, архитектура.

В итоге слушатели получают сертификат, дающий право организовывать туры и проводить экскурсии.

Корр. Наталья, вы помогаете трудоустроиться?

Наталья: С этим немного тяжело. Мы не туристическая компания. Но мы все время поддерживаем отношения и по возможности помогаем нашим выпускникам. Естественно, мы даем рекомендации, выручаем, когда компании просят добавочного гида. Мы после курсов не расстаемся. Мы радуемся, когда кто-нибудь из наших слушателей вырастает и становится активным и хорошим профессионалом.

Особая гордость организатора – это формирование сообщества заинтересованных историей Грузии людей. Бывшие слушатели кооперируются, начинают вместе выезжать на экскурсии. Они ищут интересные, уникальные места уже не поодиночке, а вместе путешествуют по стране, знакомятся с ней.

Корр. Смогут ли приезжие быть хорошими гидами?

Наталья: Любому человеку, который нанимает гида, нужно живое общение. И то, как вы передаете свои знания, рассказываете – вот что важно. Какими бы нейтральными вы ни старались быть, все равно ваше отношение видно. У приезжих совершенно другой взгляд, а со временем формируются свое отношение к тому или иному процессу, событию в этой стране. И я всегда говорю: не старайтесь копировать нас. Нотки будут другими. Старайтесь сами для себя открывать эту страну, сами думать. Из-за того, что все помешаны на хинкали, не значит, что вы должны их любить. Вы можете любить совершенно иное блюдо. Я больше за то, чтобы каждый открывал себя. В любой стране, не только в Грузии. Когда человек решает-

Елена Вежанова

ся куда-то переехать, там обосноваться, наверное, правильно пускать там корни. И как ты собираешься это делать, если не чувствуешь почву? Ты же должен найти то, что тебе там вкусно, комфортно, что дает тебе ощущение радости и безопасности. И потом вы уже рассказываете сквозь эту призму, пропуская через себя. Гостю надо предлагать это так: я тут недавно, открываю для себя эту страну, и вот есть нечто, что я уже здесь полюбила. И это дало мне новые связи, друзей, отношения.

Вы понимаете разницу между этой страной и вашей родиной, откуда приехали. Есть что-то разное, что-то очень схожее. И вот на этих контрастах выстраиваются потом ваши собственные ощущения, вооружившись которыми вы рассказываете об этой стране другому. В какой-то степени приезжим даже легче, чем нам. Если у вас гости с вашей родины, вы лучше понимаете их менталитет. Вы можете, используя знания об их родном крае, сравнивать и правильно подавать информацию о Грузии.

Н. Андроникашвили с коллегами

Курсы задумывались на разных языках, проходили семинары на английском, но так получилось, что сейчас самыми популярными и многочисленными стали русскоязычные группы. В этом году за партой наряду с гражданами Грузии сидят люди из постсоветского пространства: из России, Узбекистана, Украины, Прибалтики...

Елена Вежанова *родом из Латвии, по образованию филолог. Приехала в Грузию два года назад. Самостоятельно изучала культуру, город Тбилиси, знакомилась с гидами, историками. Практиковалась в туризме, составляла туры, приглашала гостей. Но поняла, что собственной информации не хватает. А также мечтала попасть в среду соратников по духу и стилю жизни.*

Корр. Что самое ценное вы приобрели на этих курсах?

Елена: В первую очередь, это люди. Я верю в то, что каждый человек, который встречается нам на пути, – это наш учитель, то есть каждый чему-то тебя учит. Это бесценный опыт – встреча с новыми людьми, с учителями и одногруппниками. Несмотря на то, что мы все очень разные, все очень яркие личности, с которыми приятно общаться.

Ну и конечно, очень много информации, самой различной. Природа, история, факты. Обмен информацией здесь идет постоянно, я думаю, что это самое важное, потому что опираться только на источники в интернете просто невозможно. А здесь помимо того, что тебе дают информацию, ты всегда ее можешь перепроверить, переспросить, написать или кому-то позвонить. Все преподаватели готовы помогать, организовываются выездные туры, что тоже очень ценно. К примеру, пешеходные экскурсии по Тбилиси – это для меня было вообще что-то новое. Мне казалось, что я знала город, а оказалось, что не очень. Опыт бесценный.

Каждая страна имеет глубокую и интересную историю, но история Грузии не похожа на другие страны, в которых я бывала раньше. Я начала больше понимать менталитет грузин, их самих, культуру, и уже вижу себя по-другому в этой стране.

Москвичка **Ольга Талалаева**, по профессии филолог и специалист по маркетингу. Она переехала в Грузию с четким пониманием того, чем будет заниматься здесь. Ольга владеет русским, английским языками и планирует выучить грузинский.

Ольга: Считаю, что буду отличным гидом. Мне нравится эта страна, и я готова делиться впечатлениями и этой радостью, которую получаю от пребывания здесь со своими соотечественниками и другими иностранцами. То, что я изучаю на курсах, помогает мне, как новому жителю страны, общаться с местным населением, более правильно понимать их, улавливать местный юмор, шутки, принимать и уважать традиции.

Все это дает возможность мне не только развиваться в профессиональной области, но и ассимилироваться в обществе. А также эти знания бесценны для изучения грузинской литературы и просмотра фильмов.

Грузия – это теплая, гостеприимная страна всегда готова, чтобы ее открывали для себя талантливые люди.

Элисо Джанашия

Я ПОСАЖУ МАНДАРИНЫ

Ирина Квезерели-Копадзе

Эту книгу стоит экранизировать! Презентация книги-эссе Элисо Джанашия «Я посажу мандарины» прошла в гостинице «Амбасадор». Автор – молодая женщина предлагает нам выход из обоюдного непонимания, ненависти.

Книга-эссе – готовый сценарий с острой современной тематикой. Динамичный, романтичный и философский одновременно. Четкий и сочный язык. Предельно искренняя интонация. Веришь каждому слову!

Риск на каждом шагу, все время на грани пропасти, в которую героиня может сорваться. Но люди неожиданно проявляются со своей лучшей стороны или Бог пока спасает! Девочка всего лишь идет к себе домой в абхазский городок Варче. Идет над пропастью из человеческой злости, обиды, глупости, комплексов неполноценности, предательства и беспомощной ярости.

С виду небольшая книжка, строго и лаконично оформленная. А по силе и глубине – философская драма! И дорога эта пилигримская к родному дому сродни пути Сантьяго – пастуха из книги Пауло Коэльо «Алхимик». В ней не меньше преград, демонов и моментов обретения силы. Но девочка так красива и не идет она, а парит, что просится другое сравнение. Кого же она все время напоминает, поднимаясь над тем, что кем-то запрещено? Ну, конечно, Чайку Ричарда Баха, которая училась жизни и искусству полета!

Я попала на презентацию книги случайно. За пару дней до этого оказалась в Карвасла, на выставке грузинских художников родом из Абхазии. Двадцать пять лет прошло после трагических событий. В центре просторного зала огромный комок скрученной колючей проволоки – этакое «солнечное сплетение». По одну сторону чугунные ячейки с одинокими человеческими фигурками, по другую сторону – голая земля, придавленная бетонными плитами. Называется композиция «Мой дом». Отдельно комната-камера беженца. Кровать, керосинка. Будто ногтями от отчаянья содранные лохмотья обоев. У одной стены зала мальчик-манекен со школьным ранцем за спиной смотрит на детские рисунки. А на них море и дельфины. Сразу возникает понимание, что ребенок – третье поколение беженцев? Тоска и безысходность в этой маленькой фигурке.

Все авторы инсталляций молодые женщины, бежавшие из Абхазии маленькими детьми. Во всех боль кричит! И сила эмоционального воздействия выставки от этого велика!

Многие годы как монумент боли возвышалась над Тбилиси изуродованная, искореженная и забитая фанерой гостиница «Иверия» с палатками для молодоженов на балконах. Мы знали и любили целые семьи людей, спасшихся на войне, но погибавших уже в Тбилиси от неожиданно обрушившихся недугов. Теперь люди живут в других домах. Казалось, время исцелило раны. Но нет!

Когда прочла об анонсе перформанса «Я посажу мандарины», поняла, что это продолжение темы Абхазии.

Две очень красивые, ухоженные, прекрасно одетые женщины Хатуна и Элисо в зеркальных интерьерах ресторана «Амбасадор» – мать и дочь. Вокруг подруги, журналисты, друзья детства из Абхазии, постояльцы гостиницы. В основном женщины.. Те, кто уже знаком с книгой, с явным удовольствием зачитывают понравившиеся отрывки. Остальные активно реагируют. Все вовлечены и задеты за живое первой же фразой.

«События 1992-1993 годов

между грузинами и абхазами я не назову войной. Это страшное недоразумение. Люди, воевавшие по ту и эту сторону – не герои. Они жертвы….Слово «жертва» не делает человеку чести».

Мы больше не обращаем внимания на интерьеры «Амбасадора»... 1993 год. Мы взлетаем в старом грузовом самолете с аэропорта в Варче. Мама и трое маленьких детей. Десятилетняя Элисо с младшим братом в хвосте самолета. Там есть дырочки в корпусе и можно дышать. Совсем маленький братик в кабине у летчиков. Он задыхался и на него надели маску. Самолет набит людьми. Папа остался на аэродроме с гранатой в руках, чтобы взорвать себя, если семью собьют. В самолет стреляют с земли, но не попадают…

2016 год. Мы прячемся в кустах вдоль реки Ингури, бежим через болота, переходим границу между Грузией и Абхазией. Иногда переходим, иногда нас ловят пограничники.

2017 год. На подкашивающихся ногах входим во двор родного дома...

И вот что для меня странно. Мы знаем по фотографиям и рассказам очевидцев, как выглядит Сухуми сегодня. Как выглядят Гагра и Гудаута и большая часть уникального курорта. Разруха. Ничего не восстановлено после войны. Деревья и кусты проросли в известных зданиях. Руины и смрад. Это видят все.

Девочка этого не видит. Она видит сердцем. «Без оценок и вопросов. Есть, как есть. Я люблю так, как есть. Даже очень люблю».

Почему ей удалось избавиться от боли, а ее сверстницам нет? Может потому, что ее увезли в Одессу – веселую, колоритную?

А возможно, что люди, живущие на берегу моря, имеют свой особый внутренний ритм, схожий с ритмом волн. Одесса спасла детей, как очень многих из зоны конфликта спас город Сочи. Я видела это своими глазами. Одесса слышна в книге, сама с собой автор говорит по-одесски – смачно и с перебором. Внешне, в манерах, речи, стиле, стати ничего одесского – безупречная жительница древней Колхиды. Древняя порода, что в матери, что в дочери.

Вот мама, очевидно, всех и спасла! Мама не захотела, чтобы ее дети жили с болью в душе, и сама научилась быть счастливой. Хотя с тяжелыми воспоминаниями сама справилась лишь два года назад. Мама научила девочку не бежать от большой волны, а выплывать из-под нее «в чудесном настроении и добром здравии».

Вот потому она там, где ей хочется быть, – в Абхазии.

– Надеюсь, ты не будешь больше ходить. В следующий раз, так легко не отделаешься. Придется посидеть пятнадцать суток, – говорит российский пограничник, провожая ее до моста.

– Я буду ходить. Если вы не хотите меня ловить, проходите мимо. Абхазия – мой дом. Я буду ездить домой. Это вы здесь временно.

Пограничник молчит. А через какое-то время звонит:

– Как ты перешла мост? Когда следующий раз решишь ехать, позвони.

Когда отношения на официальном уровне разлажены, на человеческом уровне возникает и работает другой эффект. И тогда можно проходить сквозь стены. Элисо Джанашия нам это еще раз продемонстрировала.

Фото Владимира Журьяри с разницей в 80 лет

ОТ КИРОЧНОЙ – ПО ПЛЕХАНОВСКОМУ

Владимир ЖУРЬЯРИ

Автор этих воспоминаний Владимир Журьяри в прошлом году отметил свое 85-летие, но его жизненной энергии, творческим планам, оптимизму можно позавидовать. Почти ежегодно он приезжает из Таллинна в родной Тбилиси, где окончил школу N14 на улице Ниношвили, а затем – Тбилисское артиллерийское училище. Служил в Грузии, на Камчатке, Южном Сахалине, в Белоруссии, с 1961 года живет в Таллинне. Работал в Министерстве образования Эстонии, окончил заочно исторический факультет Тартуского университета.

В 1990 году стал инициатором создания в Эстонии Общества грузинской культуры «Иверия», был избран его председателем. На добровольных началах возглавлял одноименную воскресную школу в Таллинне, был членом «Круглого стола» при министре культуры Эстонии. Делегат первого Международного конгресса грузин от Эстонии. На эстонском «Радио 4» участвует в передачах о культуре Грузии, а членов различных национальных обществ знакомит с историческими и культурными связями своей родины.

«Тбилиси из тебя не уезжает, когда тебя в дорогу провожает». Строка Евгения Евтушенко вспомнилась, когда я покидал свой родной город 1 сентября 2018 года. Этот мой приезд с семьей младшего сына был недолог – всего пять дней. У нас остались незабываемые впечатления от увиденного: фуникулер, Рике, Нарикала, Мамадавити, Муштаид с детской железной дорогой, Старый город, картинные галереи, грузинская кухня…

Впечатлила прогулочная часть проспекта Агмашенебели. Вспомнилось, как в один из предыдущих приездов видел проспект вздыбленным, и как возникла тогда надежда на то, что все-таки удастся сохранить вековые платаны (в Эстонии при проведении строительных работ любые посадки выгораживают).

Возвращаясь с Кукийского кладбища, где упокоились мои близкие, мы оказались у тех же самых ворот, которые прикрывали вход во двор моего отчего дома на улице Орджоникидзе, ныне – Чубинашвили, 9. Там мало что напоминало о былом, хотя сохранился в первозданном виде особняк со стороны Марджанишвили, 51 – теперь отель «Престиж». И воспоминания перенесли меня в далекое детство, в дом и прилегавший к нему хорошо ухоженный не-

Володя во дворе своего дома с Игорем Дижбитом

Госкинпром Грузии и детский садик при нем

большой сад, отгороженный от улиц сквозной решеткой, увитой плющом.

Там, на этих улицах, протекала удивительная для меня и ребят нашего двора жизнь. По Орджоникидзе, мощенной булыжником, порой грохотали одноконные телеги, шуршали плавно покачивающиеся на рессорах фаэтоны, цокали не только лошади, но поутру и ослики с хурджинами, изредка проезжали черные «эмки», ЗИСы-101... Фаэтоны в те годы (до конца 30-х) выполняли роль такси, и я помню, как моя семья загружалась с чемоданами в черный пароконный экипаж с обитыми красным бархатом сиденьями, с поднятым верхом, и мы отправлялись на железнодорожный вокзал. На облучке важно восседал возница в черной униформе, напоминавшей одежду тбилисских кинто. Его длинный кнут настигал того из ребят, кто прицеплялся сзади на ось, а его приятель кричал при этом кучеру: «Сзади – кнут!»

Ранним прохладным утром издалека слышались призывные клики погонщиков-продавцов продуктов на осликах: «Мацони-малако!», «Нахшири-уголь!», «Пичхи-хворост!», «Мцванили-зелень!»… Створка наших ворот обычно была приоткрыта, и с утра нас навещали различные персонажи. «Яйца свежи, кверцхи!» – объявлял продавец. «Тачить нажи-ножницы, бритвы править!» – предлагал другой. «Акошкис шушеби – стекла вставлять!» – кричал стекольщик. Но особый интерес вызывали приходившие во двор люди, которых трудно было назвать нищими, попрошайками. Пожилой музыкант в студенческой фуражечке усаживался на крыльцо и играл на небольшой арфе. Шарманщик с инструментом на подставке с перфорированными нотами... Всем им подавали кто что мог.

Это происходило обычно в первой половине дня. А во второй половине, услышав звуки духового оркестра, мы приникали к решетке нашего сада со стороны тогдашней Кирочной (сейчас – Марджанишвили) улицы. В дни государственных праздников по ней двигались колонны демонстрантов с многочисленными лозунгами и портретами вождей. Не меньший интерес вызывали у нас и… похоронные процессии. Мало того, что они сопровождались внушительным духовым оркестром, покойников порой везли на старинных похоронных дрогах. Повзрослев, мы по первым же звукам узнавали «Похоронный марш» Шопена.

Все это было в раннем возрасте. Долгие месяцы наш благоухающий сад был местом детских незамысловатых игр. Двое из ребят тех давних лет памятны мне: Игорь Дижбит, впоследствии известный журналист в Латвии, многолетний сотрудник «Литературной газеты» и Торадзе Сулико, по кличке «Русо», ставший отличным футболистом. А ведь еще был детский сад на территории Госкинпрома

Кинотеатр «Аполло»

(киностудии «Грузия-фильм»). Запомнились прогулки нашей группы в осенний Муштаид… Оглядываясь назад, я вспоминаю двух своих сверстников по тому детсаду. С одним из них, Отаром Черкезия, я окончил среднюю школу, и после у нас бывали контакты. Он был известным в свое время партийным и государственным деятелем Грузии, его, к сожалению, давно нет в живых. А о втором я узнал сравнительно недавно, это – ныне здравствующий Игорь Нагорный, известный кинооператор, стоявший у истоков грузинского телевидения. Долгие ему лета!

Наверное, немногим жителям нынешней улицы Читая (бывшей Советской) известно о том, что до середины 40-х годов она выглядела иначе: от вокзала ходил трамвай, была вымощена булыжником, при этом тротуар возвышался примерно на полметра. Я жил по соседству и был очевидцем того, как во время сильных ливней эта улица превращалась в весьма бурную речку, изливавшуюся по примыкавшим улицам в сторону Куры. Трамваи стояли, а больше всего страдали курды, обитавшие тогда в подвалах домов – их немудреный скарб буквально вымывало оттуда. Мальчишками мы бывали свидетелями последствий этих потоков. В конце войны пленные немцы построили ливнеотвод и был положен конец бедствиям.

Тогда же те же немцы, едва ли не вручную, разобрали лютеранскую кирху, стоявшую на углу нынешней площади Марджанишвили (а улица называлась Кирочной). В качестве тбилисского старожила напомню и о том, что более полувека тому назад со стороны проспекта, в правом крыле дома в стиле барокко размещалось некогда популярное фотоателье г-на Соколова.

Продолжая тему улицы Марджанишвили, нельзя не упомянуть храм Александра Невского, чтимый и православными города, и паломниками. Среди его святынь – частицы мощей святых Нины, Николая Мирликийского, Шио Мгвимели и других канонизированных святых. В этом храме я был крещен моей бабушкой и в каждый приезд обязательно посещаю его. Примечательный магазин находится напротив часовни храма – в нем уже многие десятилетия пекут кондитерские изделия. До войны, поутру, я бегом приносил оттуда домой горячий лаваш. А после войны там же стали выпекать знаменитые на весь город булки-слойки. Теперь, похоже, прежний рецепт утрачен – вкус не тот...

И вновь я предлагаю читателю вернуться на проспект Агмашенебели, Плехановский,

В этом здании был русский ТЮЗ

Детская железная дорога в Муштаиде. 1930-е гг.

В. Журьяри на этой же дороге с невесткой и внучкой. 2018

как тогда он назывался, был своего рода Бродвеем нашей юности – в основном, между кинотеатром «Аполло» и площадью Марджанишвили. В раннем детстве мы были частыми зрителями спектаклей ТЮЗа, сопереживая героям «Хижины дяди Тома», «Снежной королевы» и других любимых детворой постановок. Запомнилась новогодняя елка 1938 года, на которой я отважно вышел на сцену к Деду Морозу и прочитал наизусть «Муху-цокотуху», за что был одарен лошадкой-качалкой и большим кульком всяких вкусностей. ТЮЗ остался в памяти светлым воспоминанием – он связан с именами, прославившимися впоследствии на сцене нашего театра имени Грибоедова, а затем и ленинградского БДТ: Евгения Лебедева и Георгия Товстоногова. Запоздалая благодарная память…

На этой части проспекта в те годы работали три кинотеатра. В «Аполло» перед началом сеанса в фойе давали концерт певцы с небольшим оркестром. Были еще «Комсомолец» и «Амирани», в котором, кроме основного зала, существовал еще один, небольшой – для хроники и мультфильмов. Все эти кинотеатры были переполнены. Посмотрев «Трех мушкетеров», мы имитировали фехтование на палках (а кое-кто отправлялся в кружок фехтования на рапирах), распевали мелодии из фильма. Завораживали подростков и другие черно-белые фильмы, которые называли «трофейными»: «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты», «Сестра его дворецкого»…

«Комсомольца» уже давно нет, а на месте «Амирани» сегодня – замечательный Музыкально-культурный центр имени Джансуга Кахидзе, как бы вобравший в себя и функции располагавшегося рядом открытого летнего театра филармонии в саду Гофилэкт. Мне все-таки жаль, что ныне утрачен этот уютный и поистине «Зеленый театр», где в былые годы я видел концерты юмористов Тарапуньки и Штепселя, спектакли Театра кукол Сергея Образцова, слушал итальянского певца Клаудио Виллу, выступления еще многих известных артистов. Теперь на этом пространстве заметно меньше зеленых насаждений – преобладают асфальт или плитка. С огорчением эту тенденцию мы наблюдаем и у себя в Таллинне…

Не могу обойти молчанием еще одно примечательное место проспекта – сад «Арто» (расшифровывалось название как «Артистическое общество»). Для многих поколений мальчишек и девчонок это было замечательное место досуга, особенно в жаркое время года. Кроме плавательного бассейна, в густом саду с посыпанными кирпичной крошкой дорожками были помещения, в которых работали различные кружки. На подставке стоял настоящий планер, в который можно было забраться и подергать рычажки управления. А по выходным дням играл духовой оркестр пожарных в касках и белой форме.

К сожалению, сильно изменились и другие зеленые места моего родного города. Взять, к примеру, Муштаид. Когда-то в нем были летний театр и парашютная вышка, он был обнесен красивой оградой, а входные билеты давали право бесплатного пользования некоторыми аттракционами (кроме детской железной дороги, педальных машин и тира). Теперь здесь все по-другому…

Вот, скажет читатель помоложе, разворчался старый! Нет, наш Тбилиси по-прежнему прекрасен! Он оставляет незабываемые впечатления у посетивших его туристов (подтверждаю: из Эстонии в том числе). И наиболее полными эти впечатления остаются, благодаря неизменному духу искреннего, традиционно грузинского гостеприимства. Такое емкое слово «маспиндзлоба»!

Медея Амирханова

СЕРЬГИ

Медея АМИРХАНОВА

Если и существуют современные золушки, Назе была, несомненно, из их числа. Невысокая, с кроткими карими глазами и каштановыми волосами, заплетенными в косу, – так коротко можно описать ее внешность. Совсем юной ее привезли из глухого села, чтобы выдать замуж за нашего соседа Рафо. Молодых осыпали конфетами и сладостями с круглого подноса. Жених-верзила поднялся на козырек подъезда, и, по старинному езидскому обычаю, бросил надрезанное яблоко в голову Назе. Считается, что это яблоко – напоминание о грехе Евы. Назе выглядела растерянной и смущенной. В фате застрял кусочек яблочной мякоти. Мы, дети, от души ее жалели, словно угадывая невеселую жизнь. Гости встали в хоровод и, взявшись за мизинцы, помахивая разноцветными платками, стали не спеша двигаться по кругу (топтаться) под громкий звук барабана. Так и завертелась Назина жизнь, только в десять раз быстрее.

Сразу после свадьбы она приступила к обязанностям – стирать, готовить, убирать, тащить продукты из магазина. Словно ей не полагалось немного радости в медовый месяц. Мыла, потом сушила на солнце шерсть из одеял, взбивая ее упругой кизиловой веткой так, что слышался свист. Шерсть в ее руках становилась воздушной, как облачка.

Пока муж играл с соседями в нарды во дворе, старательно мыла его «жигули». Саму Назе редко сажали в эту машину, и когда это происходило, она чувствовала и вела себя неловко, будто что не так. Хоть Рафо и имел машину, продуктов с базара на ней не возил. Все Назе, на своем горбу. Зимой и летом одним цветом. В одном и том же платье. В январе лишь пальто, наброшенное на плечи, и тапки поверх вязаных носков. Из чего мы делали грустный вывод, что муж Назе не любит. Если бы только. Ей еще и доставалось прилюдно. «Принеси холодной воды, дура. Графин набери». Отмашку на такое обращение дала свекровь, всем заправлявшая в доме. «Невестка наш нищи, ничего с собой не принес» – сообщала она соседям во время дворовых посиделок, скрестив руки холмиком на животе, и разложив разноцветные юбки, как баба на самоваре. Назе стояла рядом с лавочкой. Краснела до корней волос, молчала.

«Ух, взять бы эту Зинку, оттаскать за волосы», – мечтали мы с подругами. «Или рыжих тараканов на нее высыпать, заорала бы, забегала». «Или в подвале с летучими мышами запереть». Версий мести называлось много, но все они предполагали насильственные действия по отношению к Зинке, и были далеки от реальности. И все-таки совсем без наказания мы ее оставить не могли. Наша кара настигла ее погожим летним днем. Дождавшись, пока Зина окажется аккурат под моим балконом – мы опрокинули на нее тазик с мыльной водой. Крик тут поднялся страшный.

– Узнаваю, кто эта, живии не оставлю, своличи! – Зина отирала с лица и волос пену, и звала на помощь Рафо. К счастью, его не оказалось во дворе.

Мы отлеживались на дне балкона, пока потоки ругани не прекратились. Вряд ли это облегчило семейную жизнь Назички, но не все же Зинке шиковать.

Назе не имела никаких прав в доме. Даже после рождения двух дочерей. К первенцу Зина отнеслась, как к дочери кухарки. Шпыняла Мину почем зря, видя в ней больше продолжение невестки, чем своего сына. Третью дочь, Фато, как только ей исполнилось два месяца, оторвали от груди и отдали в дом родственников мужа – бездетной паре. Назе старалась держаться, но душевная боль свалила ее с ног. Самым большим испытанием была встреча раз в год с выросшей дочерью. Приемные родители наряжали Фато, и отправляли ее пови-

даться с кровными сестрами, и с людьми, давшими ей жизнь. Здесь девочку ждали подарки, щедро накрытый стол, объятья, поцелуи и расспросы. Ничего большего Назе себе позволить не могла – никаких слез, отчаяния, плохого настроения. Принять и отпустить. Если переживания и имелись, держать их следовало глубоко в себе. Людям какое дело до твоих страданий. «Вуй, байгуш!» – презрительно толкала ее в бок Зинка.

Назе с красными глазами, даже нам, соседским детям старалась улыбаться сквозь слезы. «Не бойся, мы не скажем», – гладила ее по голове моя подруга Милена. «Дай Зинке по башке». «Ээ», – горестно вздыхала Назе.

Родились еще двое сыновей – Азо и Шико. Она и им стала прислужницей.

– Мама, жареную курицу и картошку! – кричал Азо из одной комнаты в другую, сидя в гостиной на ковре, перед телевизором, в позе падишаха. И Назе неслась с подносом. –Ткемали, дундук! – напоминала ей Зина. – Куший, мала мн («мой ребенок»).

Пришло время, и Тбилиси окунулся в кризис 90-х. Рафо не нашел тут себе работы, подался в Россию. Семью он видел наездами. Обычно в Новый год. Рассказывая о приключениях на чужбине, он не упускал случая похвастаться успехом у дам. «Русские женщины зовут меня Рафаэлем», – распушил он передо мной хвост, когда я зашла к ним по минутному делу. «С ума от меня сходят». Как же я ненавидела его в эту минуту! Эти глаза навыкате и круглую голову с бараньими завитушками. Назе поспешила оправдаться за наглость мужа:

– С кем бы ни встречался, все равно ко мне вернется. Сколько лет живем.

– Любит меня, – самодовольно осклабился Рафо.

Отъезд мужа – не из радостных событий, если супруги живут душа в душу. Но Назе когда знала радости? Странное дело: оставшись одна, она стала свободно дышать, почувствовала себя хозяйкой в доме. Зинка постарела и сдала. Сахар, давление, и начинавшаяся деменция требовали ухода. Медсестра и нянька, конечно же, – Назе. Смекнула старуха, что Назе теперь – сила. Сын далеко, сама беспомощна. Впервые за много лет по-человечески заговорила с невесткой. До ласковых слов снизошла. Достала из шкатулки с золотом, подаренным на свадьбу, сережки, и вручила невестке – «носи».

Назе и не думала мстить свекрови за прошлые грехи. Молча мерила давление, делала инсулиновые уколы, и все, что от нее требовалось. Обязанностей не убавилось, хоть старшая дочь Мина и помогала по дому. Назе стояла в очереди за керосином и хлебом, таскала дрова для печки. Но выглядела счастливей. В ушах покачивались золотые сережки.

– Зина признала, что им повезло с невесткой, – поделилась она, как-то встретив меня. – Эти сережки дала. Когда умру, говорит, все золото тебе оставлю.

– Назичка, ты достойна гораздо большего, чем эти сережки.

Она погрустнела, словно окинув взглядом прошлую жизнь: «Разве нельзя было жить нормально, уважать друг друга? Жить и радоваться».

Как и все чистые душою люди, Назе не понимала очевидных вещей: будь она поязыкастее, умей надавать по шапке своим обидчикам, и сережки бы получила гораздо раньше. Вкупе с уважением. Но это была бы совсем другая история – не про нее.

В то темное, лишенное всяких развлечений время, она нашла себе новое занятие – вязала на заказ красивые свитеры. Тоже деньги в дом. Брала недорого, и к ней повалили. Мне тоже захотелось такой свитер: в магазинах не было ничего приличного, а в институте надо было выглядеть на все сто. Тбилисские девушки исхитрялись, как могли. Одеться в то время было непросто. Многие тбилисцы, собрав дома ненужные вещи, везли на продажу в Турцию. За гору барахла можно было выручить одну-две стоящие вещи.

Словом, Назин оригинальной вязки свитер как нельзя кстати решал проблему гардероба. Она обещала связать его за несколько дней. Я постучалась к ней в назначенный день, и застала ее с красными, опухшими веками.

– Извини, – виновато сказала Назе. – Всю ночь работала, но не успела.

– Ничего, – ответила я. – Надену в институт что-нибудь другое. Когда закончишь, тогда и приду.

Рафо забрал в Самару жену и подросших детей. Зина уезжать наотрез отказалась. Деменция сыграла с ней злую штуку. Она могла уйти из дома, оставив дверь открытой. Родственники, приставленные за ней присматривать, не всегда справлялись. Иногда, забывшись, она громко звала Назе и своего сына. Но никто не отвечал. В такие минуты было до слез жаль вредину Зину. Она осталась в пустой квартире, наедине со своими видениями, страхами и грехами.

Провожать Зину в последний путь пришли старые соседи. В нашем большом доме многое изменилось за прошедшие годы. Люди продавали или сдавали квартиры, уезжая за границу в поисках лучшей жизни – на север, в Россию, в Турцию, Грецию, Германию... Квартиранты менялись быстро, я даже не успевала запоминать их имена. И они ничего не могли знать про Зину, с ее крутым нравом, да и про других жителей и их истории.

Прошло еще лет двадцать, и я встретила Назе в центре Тбилиси. Она вернулась по каким-то делам после многолетнего перерыва. Назе сама меня узнала, и лицо расплылось в улыбке. Раздобревшая, со вкусом одетая, со стрижкой – что она сделала со своей косой?!

– Назе очень отличалась от той неуверенной и забитой девочки-невестки.

Я бросилась ее обнимать.

Оказалось, что дети пристроены. Дочки замужем, внуков подарили. Постоять за себя умеют. Целое детство наблюдая за матерью, поняли, как жить не надо. Сыновья работают, жениться не спешат. Они с Рафо живут потихоньку, он как переродился на старости лет, жену жалеть и ценить стал.

Она поправила волосы, и мой взгляд упал на сережки.

– Те самые, – улыбнулась она. – Это же память – Тбилиси, молодость, слезы, моя большая семья и… Зина тоже.

КИНОТЕАТР В КИКЕТИ

Сразу после завтрака мы пошли смотреть деревенскую афишу. Ее писали в тот же день цветной краской. И клеили на зеленый деревянный забор летнего кинотеатра. Сельский художник к нашему приходу успел вывести слово «Колдовская». Звучало интригующе. Продолжение фразы, как ни просили, не открыл.

– Сами увидите.

И мы сели ждать. «Любовь» – вывел он через несколько минут.

– Ва, надо идти, – сказал Резо, наш дачный друг и участник игр. – Что скажешь?

Мое чутье на хорошие фильмы обычно не подводило.

– Идем, конечно! Испания написано, видишь? Испанский фильм не может быть плохим.

Иногда вешали афиши с анонсами на несколько дней вперед и мы, как гурманы, заранее пускали слюнки. 7 июля – «Зорро», 8 – «Блондинка за углом», 9 – «Танцуй, танцуй», 10 – «Кин-дза-дза». «Умереть – не встать».

Фильмы из Тбилиси привозил «виллис» защитного цвета, где-то за полчаса до сеанса. Он же забирал бобины с использованными кинолентами, и вез их в другие места. Кикетский кинотеатр открывался, когда вечерело. Хорошее время, чтобы разглядеть всех тбилисских кривляк. Весь день мы вели себя как нормальные дети – носились, прыгали, катались, пачкались. Вечером же наводили светский лоск. Деревенские дети потешались над нашим преображением.

На «Колдовскую любовь» мы пошли вчетвером – я с братом, Резо и Тика. На мне были новые джинсы, майка с дольками яблока, довершали наряд босоножки. Тика тоже расфуфырилась. Распустила волосы, взяла мамины духи «Нона» – флакон в виде черной шахматной королевы (фабрика «Иверия» выпускала его в честь Ноны Гаприндашвили).

Можно было не заморачиваться, что надеть на ноги, так как кинотеатр имел «настил» из шелухи семечек. Дачники нескольких сезонов позаботились о том, чтобы он достиг щиколоток. И мы тоже от них не отставали, покупая семечки у старушек, сидевших на подходе к кинотеатру.

Нам достались билеты в пятом ряду. На заборе кинотеатра занимали места безбилетники. Кто-то легонько постучал по моей спине: «გოგონი» (девочка). Я обернулась. Двое мальчишек, сидевших сзади, поспорили, как правильно читать этикетку на моих брюках.

– რა ფირმაა? (что за фирма?)

– Леви страус, – важно ответила я.

– მადლობა (спасибо).

ПРОИЗВОДСТВО ЭМИЛИАНО ПИЕДРА ИСПАНИЯ – пошло на экране.

– ვსიო, გაჩუმდით! (Все, замолчите!) – шикнула Тика на детей, шумевших сбоку. Начался фильм Карлоса Сауры.

В этом фильме все танцевали со всеми. Сначала жених с невестой, потом невеста с влюбленным в нее и страдающим Кармело, дальше жених Хосе с той, которую действительно любил – с Лусией. Затем Хосе закололи из-за Лусии. И оставшуюся часть фильма овдовевшая невеста танцевала с призраком Хосе.

Ах, не знаю, что со мной:
в сердце ревность
бьется птицей,
И не ведает оно,
что случилось –
что случится.
Шепчет речка в тишине –
мой цыган другую любит.
И забыл уж обо мне,
Или скоро позабудет.

Испанские страсти советский дублер переводил ровным, мирным голосом.

– На кого похожа невеста, – не удержалась Тика. – Резо, женился бы на такой?

– Язва, – ответил тот.

Наверно, мы еще не созрели для того, чтобы оценить прекрасную хореографию Антонио Гадеса, гордую испанскую осанку, четкие и точные движения танцоров фламенко. Фильм не произвел особого впечатления.

На нашей улице в тот день не горели фонари. Но это не беда – пройти до дач нужно совсем немного. Мы молча плелись по сельской дороге, как вдруг в темноте послышался топот. Тика взвизгнула и закричала: «Это дух Хосе!». Нас объял какой-то животный страх. Таки режиссер добился реакции. И мы, как сумасшедшие, бросились бежать. Если бы кто-нибудь остановился на минутку подумать – что потерял Хосе в грузинской деревне? На кой ему сдались дети?

Топот сзади усилился. Мы задыхались от волнения. Триллер закончился только тогда, когда мы выбежали в треугольник света перед нашими воротами. Хосе тоже пришлось показаться. Его роль блестяще исполнил деревенский ослик.

Этикетка на джинсах, кстати, читалась совсем по-другому. Не «леви страус» и даже не «правый страус», а «Ливай Штраусс».

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

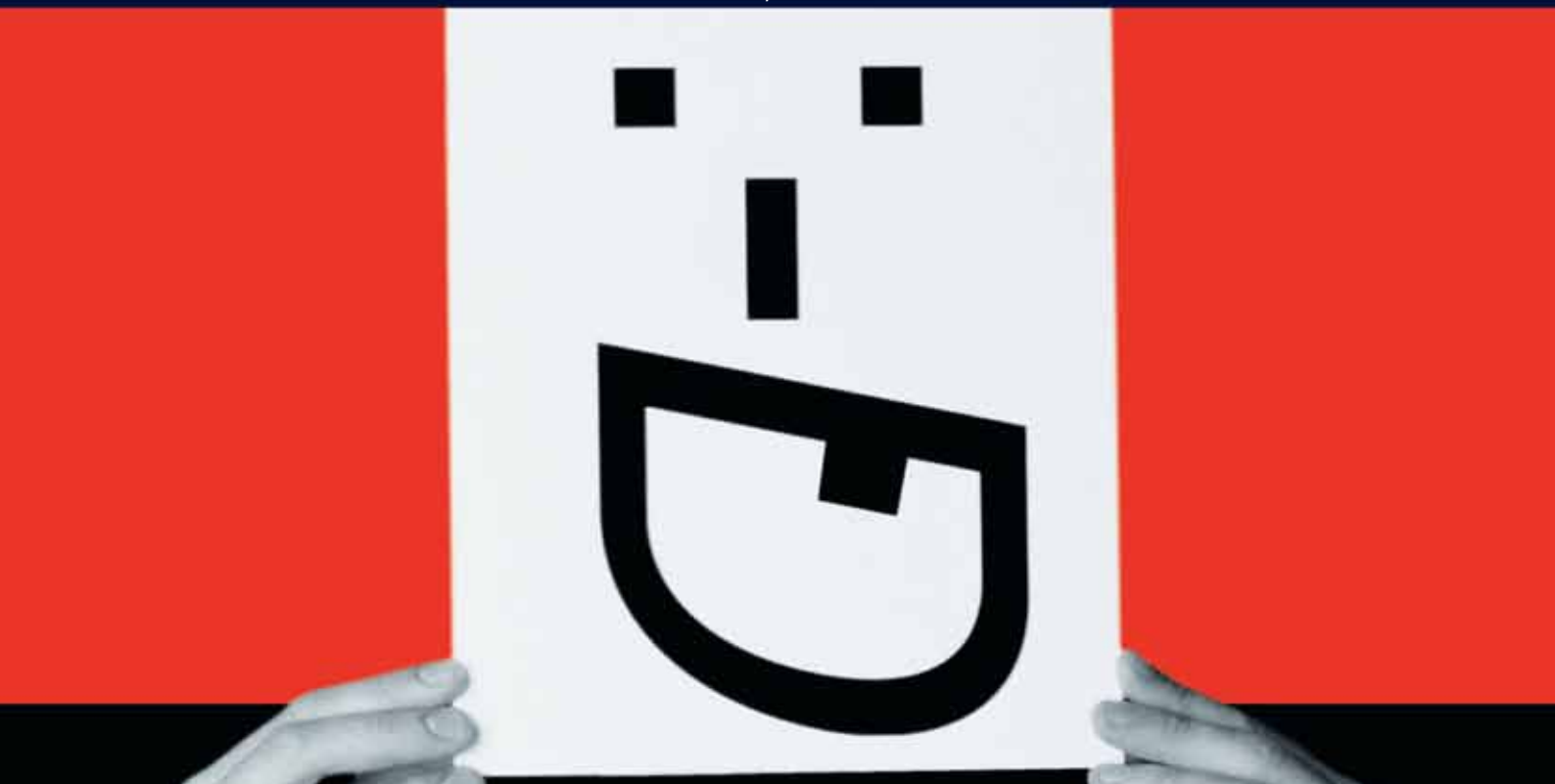
ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ВООБРАЖЕНИЯ 1936 2019

БАЛТИЙСКИЙ ДОМ

ТЕАТР-ФЕСТИВАЛЬ

4 მაისი/ мая 19:00

გრიბოედოვის თეატრის სცენაზე / НА СЦЕНЕ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА



რაზე საუბრობენ
კაცები & ქალები
О ЧЕМ ГОВОРЯТ
МУЖЧИНЫ & ЖЕНЩИНЫ

ი. რეზას „ჟლეტის ღმერთი“ პიესის მიხედვით
ПО ПЬЕСЕ Я. РЕЗА “БОГ РЕЗНИ”

ფრანგულიდან თარგმნა - დიმიტრი ბიკოვმა
ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО - ДМИТРИЙ БЫКОВ

რეჟისორი ანჯეი ბუბენი
Режиссер АНДЖЕЙ БУБЕНЬ

ლეონიდ ალიმოვი
ЛЕОНИД АЛИМОВ

ალა ემინცევა
АЛЛА ЕМИНЦЕВА

ნატალია პარაშკინა
НАТАЛЬЯ ПАРАШКИНА

ვალერი სოლოვიოვი
ВАЛЕРИЙ СОЛОВЬЕВ

ბილეთების შეძენა / დაჯავშნა:
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:
(032) 2 931106

biletebi.ge

18+

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ВООБРАЖЕНИЯ
БАЛТИЙСКИЙ ДОМ
ТЕАТР-ФЕСТИВАЛЬ
გრიბოედოვის თეატრის სცენაზე
НА СЦЕНЕ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА
ნ. გოგოლის ნაწარმოების მიხედვით
«ტარას ბულბა»
По мотивам повести Н.В. Гоголя
«ТАРАС БУЛЬБА»
მიხაილ ბაშკიროვის პიესა
Пьеса Михаила Башкирова
რეჟისორი
Режиссер
სერგეი პოტაპოვი
Сергей ПОТАПОВ
ტარასი
ТАРАС
18+
ბილეთების შეძენა / დაჯავშნა:
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:
biletebi.ge
(032) 2 931106
5 მაისი МАЯ 19:00
www.griboedovtheatre.ge